

АРКАДИУШ КАРВАЦКИЙ,

Университет Николая Коперника (Торунь)

ДОМИНИК АНТОНОВИЧ,

Университет Николая Коперника (Торунь)

**Андеркласс и культура бедности в среде
бывших государственных сельских хозяйств в
контексте теоретических и интерпретационных
дискуссий¹**

Abstract

For years state farm (and later ex-state farm) communities have been shaping a specific syndrome of the so-called “culture of poverty”. The community members do not receive any social capital by virtue of up-bringing or education. Social scientists noticed potential for underclass formation among ex-state farm workers. Despite the fact that the above-mentioned process has been going on for years, researchers still express doubts as to the possibility of underclass formation in Poland, which may be due to interpretative and terminological discrepancies as well as the specific modeling of this phenomenon. Our paper deals with the subject of possible emergence of underclass in Poland in the context of English theoretical debates, backed by classical American reflections. We shall try to show that in discussions on the nature of underclass, we can actually abandon the disagreements stemming from the primacy of structural or cultural factors in the complex process of underclass formation.

Our research and literature review suggest that we can identify an existing Polish underclass (of a local character), which created its own system of behavior, values and norms, which can be described as a “culture of poverty”.

---

¹ *Karwacki A., Antonowicz D. Underclass i kultura biedy w śrjodowiskach Popegeerowskich w kontekście sporów teoretycznych i interpretacyjnych // Studia socjologiczne. — 2003. — 3(170). — S. 69–110.*

Введение

На пороге нового тысячелетия мир должен решать множество социальных проблем. Едва ли не все современные государства пытаются реализовать эффективные модели социальной политики, призванные ограничить проявления недовольства экономически ущемленных групп. Многие теоретики, в частности Ральф Дарендорф, усматривают в антагонизированных современных обществах простой расклад сил: привилегированные баловни свободной рыночной экономики, которые наслаждаются сытой жизнью, *versus* широкие массы, не имеющие работы и все сильнее отстающие, догоняющие поезд, называемый благосостоянием [см., напр.: 78]. Проигравшие, судя по всему, все в большей мере теряют свои гражданские права, которыми они не могут воспользоваться без экономических средств существования. "... Состояние безработицы уничтожает уважение человека к самому себе, разрушает нормальный ход его повседневной жизни и все сильнее привязывает его к социальной помощи. Это выбрасывает его за борт и создает новую проблему обоснованных недовольств" [14, с. 229].

Независимо от наших симпатий к тому или иному варианту современной социологической теории, независимо от того, будем ли мы толковать наличие в обществе "неполноценных потребителей" [см.: 6] с точки зрения, скажем, теории социальной удовлетворенности, согласно Кингсли Девису и Уилберту Муру [19], или же будем следовать теории нового социального конфликта цитированного выше Ральфа Дарендорфа [14; 15], повседневность не оставляет нам иллюзий. Современный мир разделен, а линия демаркации между богатством и бедностью непрерывно перемещается, вытесняя за свои пределы все большие группы "лишних" индивидов. Глобализм со своей рационализацией затрат и минимализацией расходов отодвигает на обочину ненужную рабочую силу. С точки зрения внутренней безопасности стран "богатого мира", не барберовский джихад представляет самую большую угрозу для МакМира [см.: 7; 8], а невостребованные фрустрированные граждане. Поскольку эти люди представляют потенциальную угрозу для общественного порядка, власть пытается периодически напоминать им, что они не одиноки и могут рассчитывать на поддержку. Однако в современном мире немало тех, кто уже не надеется на улучшение жизненной ситуации. Они долгое время отлучены от общественной жизни, вынесены за пределы гражданского участия в распределении прибыли, отброшены на обочину. Укрывшись в своих микромирах, в специфических культурных нишах, они выработали характерные образцы поведения, социальные нормы и позиции, отличные от тех, относительно которых существует консенсус "правомочности" господствующего большинства. Представители разных научных дисциплин склонны определять эту социальную группу категориями "андеркласс" (*underclass*) или "культура бедности" (*culture of poverty*); нередко они взаимозаменяемы. В нашей работе мы хотим приобщиться к этой дискуссии и в противовес высказывавшимся ранее и современным взглядам показать, что термины "андеркласс" и "культура бедности" не являются синонимами, а существуют параллельно.

Следует заметить, что ряд интерпретационных недоразумений, касающихся категорий "андеркласс" и "культура бедности", возникают из-за отсутствия на польской почве разработок по концептуальному анализу, сосредоточенному на этих категориях со ссылкой на традиции их применения.

Несмотря на подтверждение весомости этих категорий Люцианом Мисем, Велиславой Важиводой-Крушиньской (первые польские рефлексии над категорией “андеркласс” в исследованиях городской бедноты 1992 года) и Генриком Доманьским, до сих пор недостает научных диспутов в этом плане, за исключением публикаций упомянутых Люциана Мися [80], Велиславы Важиводы-Крушиньской [132; 133], Генрика Доманьского [24; 25; 26], а также Иоланты Гротовской-Ледер [48; 49] и Павла Полавского [104]. Наша статья состоит из двух частей. В первой мы рассмотрим традицию применения категорий “андеркласс” и “культура бедности”, а также концепции и интерпретационные споры, связанные с использованием этих понятий, чтобы в следующей фазе анализа подискутировать на тему их реальности и связей между ними в контексте польских регионов устоявшейся бедности.

В современных условиях вопрос бедности анализируется с различных позиций. Мы можем выделить, например, культурный подход, сосредоточенный на различиях в образе жизни и установках бедных людей [69; 70; 130; 73], а также структурный, делающий ударение на позиции бедных на самых низких ступенях классовой лестницы [42; 97]. Категория “андеркласс”, которая сейчас признается эффективным инструментарием анализа широкого спектра многогранных характеристик бедности и вместе с тем вызывает широкие дебаты относительно соответствия ее реалиям [80; 62; 2], также остается предметом разных научных исследований: сторонников культурных коннотаций (Чарлз Мюррей, Кен Аулетта), структурного подхода (Гуннар Мердал, Ральф Дарендорф, Данкен Галли), и концепции “островов бедности”, которая должна была стать мостиком, позволяющим преодолеть недостатки перечисленных выше теорий (Джон Кеннет Голбрайт и Уильям Джулиус Уилсон), а также других ученых, тоже склоняющихся к синтезу культурной и структурной концепций (Герберт Ганс и Казимеж Фриске). Поэтому наша аналитическая перспектива, которую мы хотим предложить в данной работе, будет лишь одной из многих известных концепций этой категории.

В современных рефлексиях, касающихся категории “андеркласс”, можно выделить два основных пути (или типа) анализа, которые довольно часто в научных текстах выступают параллельно. Итак, с одной стороны, имеем дело с дискуссией по поводу исследовательской полезности, этимологической правомерности и теоретического статуса концепции “андеркласс”, а с другой — с выявлением принятых авторами определяющих характеристик андеркласса в конкретных обществах.

Данкен Галли утверждает, что приверженцы разных идеологий используют это понятие по-разному, на практике конструируя концепцию андеркласса с использованием различных элементов (гипотез), по-разному интерпретируя причины, следствия и социальное содержание данной категории [см.: 38, с. 992]. Дискуссия вокруг указанных выше элементов дискурса, связанного с понятием “андеркласс”, присутствует во многих научных работах. “Для части исследователей бедности “андеркласс” является всего лишь названием, мыслительной аббревиатурой определенного явления...” [Кен Аулетта], негативным стереотипом [Киприан Авенель], метафорой общественных изменений и трансформаций, с помощью которой описываются процесс и результаты общественных изменений в капиталистических странах [Майкл Катц], (...) “андеркласс” является интеллектуальной модой (...) [Джон Вестергаард] и способом привлечь внимание к проблеме созидания

новых форм социальной стратификации, процессов самовключения и исключения исследуемых на нижней ступени социальной лестницы (...) [Джон Андерсен, Йорген Элм Ларсен] [49, с. 45]. Критика реальности андеркласса получила среди некоторых исследователей (Алан Бакингом, Питер Ли) название критической концепции андеркласса, согласно которой отрицается его существование как отдельного общественного класса. Представители этого подхода утверждают, что группа людей, называемая андерклассом, не обнаруживает достаточного числа специфических культурных черт, чтобы ее можно было трактовать как отдельный общественный класс. "...Эпизодические формы занятости, а также длительная безработица в 1970-х годах могли сформировать структурный фундамент для выделения "андеркласса", но не для создания его культурных оснований" [36, с. 473].

Характерная для него комбинация черт и ценностей не отличает его принципиально от низших слоев рабочего класса, а гетерогенный характер его не дает оснований для развития сильной самоидентификации и полного осознания принадлежности к отдельной социальной группе [53; 37]. Как пишет Иоланта Гротовска-Ледер, цитируя Данкена Галли, "безработные "вербуются" в основном из низкоквалифицированных представителей рабочего класса, но они не формируют отдельной категории, не развивают собственную субкультуру, а более тяготеют к традиционной системе ценностей рабочего класса" [49, с. 52]. Кроме того, такие исследователи, как Питер Ли [67], утверждают, что принадлежность к андерклассу имеет кратковременный и переходный характер, поскольку его численность и качественные характеристики в большой мере зависят от сменных циклов в экономике. Поэтому, с точки зрения критической перспективы, нельзя идентифицировать и выделить специфические и устойчивые социокультурные черты, типичные сугубо для андеркласса, что одновременно исключает существование преемственности в поколениях культуры бедности.

Другие исследователи, чьи наблюдения мы изложим в следующей части нашей статьи (например, Чарлз Мюррей, Оскар Льюис, Энтони Гидденс, Ральф Дарендорф, Уолтер Дж. Рансимен), считают, что "андеркласс" является очень важной категорией, проясняющей сложные процессы, происходящие в структуре новейших обществ, но прежде всего он реально существует (как бытие *sui generis*). Как утверждает Энтони Гидденс, подытоживая дискуссию относительно концепции "андеркласс", "термин "андеркласс" имел поначалу достаточно ясное значение, чисто социологическое, и при этом не обязательно контроверзийное. Однако он был политизирован в результате вовлечения его в дискуссию о добродетелях и недостатках государства-опекуна" [46, с. 160].

Концепция *андеркласса* возникла на американской почве, но на рубеже 1980-х и 1990-х годов интерес к этой проблеме переместился в Европу, а выражением этого стала публикация Чарлза Мюррея 1989 года ("The Emerging British Underclass"), между прочим, американского исследователя, заметившего, что в Великобритании также происходят аналогичные процессы формирования андеркласса. Он утверждал, что вследствие определенных общественных явлений (о них мы скажем дальше) проблема существования андеркласса становится реальной в Великобритании. После этого дискуссия по вопросу его реальности распространилась на Ирландию и страны континентальной Европы: Голландию, Францию, Германию и Данию. Во второй половине 1990-х годов категория "андеркласс" стала пред-

метод анализа польских исследователей. Люциан Мись указывает на требования польского общества в контексте самообразования в его структуре новой категории/класса: Польша — это страна, претендующая на членство в Европейском Союзе, который в течение многих лет страдает от постоянно растущей безработицы, поэтому польская экономика нуждается в дальнейших обособленных реструктуризационных процессах, особенно в сферах, связанных с тяжелой промышленностью. Кроме того, значительная часть общества живет согласно усвоенным в период реального социализма нормам и ценностям, которые мы можем назвать “культурой зависимости” от помощи государства [см.: 80, с. 28]. В последние годы проблема образования анклавов стабильной бедности оказалась в Польше столь серьезной, что получила постоянное место не только в академическом дискурсе, но и в публичных дебатах в средствах массовой информации [см., напр.: 9; 33; 53; 90; 93; 102; 59]. Однако до сих пор остаются открытыми вопросы: имеем ли мы в Польше дело со сформированным андерклассом, какова связь между категориями “андеркласс” и “культура бедности” и какие теоретические или концептуальные основания способствуют решению этих проблем?

Андеркласс — история рефлексии

Автором понятия “андеркласс”, которое демаркировало реальное существование этого феномена в американском обществе, признают шведского социоэкономиста Гуннара Мердала [85]. Понятие “андеркласс” было создано для описания социокультурного положения чернокожих жителей, населявших гетто больших городов во время трансформации американского общества в 1960-х годах. Следует обозначить контекст, в котором появилась эта категория. Открытие проблемы андеркласса приходится на период устойчивого экономического роста в Соединенных Штатах. С 1961-го по 1965 год НВП (национальный валовой продукт) возрастал скачкообразно с 520 млрд долл. — на 40 млрд, 30 млрд, 42 млрд и 53 млрд долл. в год. Уровень инфляции достигал 1% в год. “Безудержный экономический триумфализм” охватил американских политиков, не скрывавших своего энтузиазма: “...даже самые оптимистические прогнозы на 1965 год оказались заниженными. Если мы и имеем экономические проблемы, то это проблемы высокого уровня занятости, стремительного роста и большого искушения надеждами” [127, с. 67В]. В таком экономическом климате проблема бедности, казалось, исчезла из поля зрения. Интеллектуальные круги признавали маргинальными проблемы иммигрантов, этнических и расовых меньшинств. Если вообще и занимались бедностью, то выражали удивление по поводу ее существования. Норман Подгорец утверждает: основного американского успеха, который выразался в экономическом буме и улучшении качества жизни граждан, вроде бы никто не отрицал. “Все понимали, что продолжают существовать “ниши” безработицы и бедности и все еще существует значительная дифференциация в распределении доходов и богатства. Но значение этих хорошо знакомых явлений нивелировалось в сопоставлении с ситуацией, которая, казалось, вопреки правилу, согласно которому ничего нового появиться не может, обернулась явным слиянием всего населения в один класс” [103, с. 79]. В таких обстоятельствах бедность явила себя неожиданно. “В начале 1962 года никто не говорил о бедности; но уже в конце 1963-го это было самой важной проблемой внутренней политики, не считая гражданских

прав” [84, с. 59]. С тех пор проблема бедности часто анализируется и описывается в многочисленных научных и публицистических материалах.

Вместе с дискуссиями, касавшимися бедности, появились рефлексии над возникновением и качеством жизни андеркласса. Как мы ранее упоминали, творцом концепции андеркласса считается Гуннар Мердал, но именно Майкл Херингтон в резонансном труде “The Other America”, вышедшем в 1962 году (то есть накануне появления “Challenge to Affluence” Мердала), подчеркивал, что в США 50 млн людей живут в бедности, и среди них распространяется синдром межпоколенческой преемственности бедности: “...эта группа состоит из пожилых людей, неквалифицированных работников, одиноких женщин, воспитывающих маленьких детей, и других, обреченных на отверженность (сколь бы высокий экономический рост ни был достигнут [в государстве]) вследствие того способа, которым система осуществляет распределение доходов” [см. 84, с. 59]. С наблюдениями Херингтона согласуются взгляды Гуннара Мердала, который определяет андеркласс как группу индивидов, лишенных материальных условий и маргинальных в рамках социальных отношений. Маргинализация явилась следствием структурной безработицы, возникавшей в силу развития технологий и роста уровня требований к профессиональной квалификации, которым не могли соответствовать низшие классы [см.: 26, с. 26; 27, с. 24]. То есть можно утверждать, что категория андеркласса “схватила” кое-что, а далее исследователи уже пытались обогатить или по-другому акцентировать аспекты, имевшиеся в контексте концепции, выдвинутой Мердалем. Здесь нужно вспомнить Тома Кана, который в работе “The Economics of Quality” (1964) [55] определил андеркласс как совокупность лиц, “вербуемых” из низкоквалифицированных категорий и сталкивающихся с длительной безработицей и прозябанием без средств существования; Ли Рейнвотера, который в очерке “The Problem of Lower-Class Culture and Poverty-War Strategy” [110] подчеркивал недостаточность социальной подвижности пауперизированных индивидов, а также Кена Авлетти, который гораздо позднее, уже в 1982 году, в серьезном монографическом исследовании бедности “The Underclass” изложил свои соображения относительно (не)эффективности политики “государства всеобщего благоденствия” в контексте увеличения расходов, связанных с социальной политикой и распространением явления устойчивой бедности. Названия американских периодических изданий: “The Cry of the Ghetto”, “The Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power”, “Urban Aid Kickoff”, “Oakland’s Not for Burning” также не оставляли места для сомнений относительно наличия в Соединенных Штатах андеркласса, то есть долговременной бедности в сочетании с пассивностью, патологиями и социальной изоляцией, ставшими серьезной общественной проблемой, которая ставила и до сих пор ставит перед миром науки и политики задачи и побуждает к оживленным дискуссиям.

Как мы уже упоминали, на европейском континенте концепция андеркласса сначала появилась на Британских островах. Традиционно в Великобритании различают три основных общественных класса: высший, средний и низший [18], — хотя уже на рубеже 1980-х и 1990-х годов в исследованиях британского общества появилось мнение о существовании четвертого общественного слоя — андеркласса, объединяющего людей, длительное время остающихся за пределами общества. Тезис относительно существования андеркласса на британской почве вызывал критику. Наблюдения

Чарлза Мюррея пытались опровергнуть такие исследователи, как Лидия Морис и Сара Ирвин (1992), Джуди Пейн и Джофф Пейн (1994), Джон Вестергаард (1994) и Джейн Пилчер (1996), утверждавшие, что трудно очертить однозначно состав андеркласса (велика дифференциация внутри категории безработных), недостает кумуляции черт и негативных факторов. Однако, без сомнения, мы имеем дело с реальной угрозой формирования конкретного общественного класса, но сейчас мы являемся свидетелями всего лишь концентрации людей с неустойчивым профессиональным статусом и жизненными перспективами. Концепт “андеркласс” — это, скорее, интеллектуальная мода, не подкрепленная эмпирическими наблюдениями, а судьба понятия андеркласса указывает на зависимость между социальной теорией и специфическим общественно-политическим климатом [см.: 80, с. 35].

Во Франции предпринимаются попытки выявить черты андеркласса в так называемых *banlieux*, то есть на окраинах крупных городов. Исследователи пробуют ответить на вопрос: проявляются ли во французском обществе аналогично американскому признаки андеркласса? Киприан Авенель доказывает, что окраины городов концентрируют этнические меньшинства, характеризующиеся следующими чертами: торговля наркотиками, неполные семьи, высокий уровень безработицы. Французские предместья представляют собой описанные еще Оскаром Льюисом контраст нищих, соседствующих с самыми состоятельными буржуа. “Эсмеральда хотя и расположена в десяти минутах езды от дворца губернатора и самого сердца Сан-Хуана, является как территориальной, так и социальной окраиной этого города”, — писал Льюис в “Голой жизни” [72, с. 35]. Во французских *banlieux* бедность граничит с “колониями” состоятельных людей, бегущих от городской суеты. Однако пространственно очерчиваемый андеркласс не образует “культуры гетто”, то есть отдельной культурной формации, поэтому французский андеркласс до сих пор остается умозрительным негативным стереотипом, а не вполне адекватным понятием [см.: 80, с. 37–38]. Здесь следует отметить, что в 1960-х годах именно на почве французских политических дебатов родилась “родственная” концепция социального исключения. Это была категория, адекватная для членов общества, не охваченных социальным обеспечением: физически и психически ущербных, пожилых, тяжелобольных людей, наркоманов и патологических семей. В 1980-х годах эту категорию на длительное время распространили на долгое время безработных (а в итоге бедных) иммигрантов. Французский концепт социального исключения, который противопоставляют традиционным англо-саксонским концептам бедности, перефразируя Мартина Ксиберраса, можно определить как постепенный распад традиционных социальных связей и солидарности, соединяющих человека с обществом [см.: 68, с. 6].

К числу критиков необоснованного заимствования американского концепта “андеркласс” принадлежит и Кристофер Велан со своими выводами, сделанными на основании исследований ирландского общества. В рефлексиях Велана отличительными признаками “андеркласса” выступают: длительная исключенность из рынка труда, культурная и расовая принадлежность и пространственная сегрегация. По его мнению, отлучение от рынка труда толкает индивидов в замкнутый круг бедности, а расовые и этнические проблемы не касаются Ирландии. Существует большая группа безработных, не подверженных всеобъемлющей маргинализации (Велан различает маргинализацию ограниченную — *restricted* — и всеобъемлющую —

pervasive). Нет и закрытых гетто профессионально пассивных людей, и не существует доказательств преемственности маргинальной позиции в обществе. Происходят процессы маргинализации, однако нельзя говорить об андерклассе [136, ср.: 80, с. 39–40].

Аналогичная ситуация наблюдалась в голландском обществе. Исследования, проведенные Г. Энгберсоном, К. Шуйтом, Дж. Тиммером, Ф. Ван Варденом, выявили недостаточное количество выделенных гетто бедности, а также отсутствие существенной дифференциации в уровнях жизни людей, живущих выше и ниже установленной черты бедности. Можно идентифицировать долговременные группы безработных (культура бедности), имеющие призрачные шансы на включение в рынок труда, а значит, существует реальная угроза возникновения андеркласса беднейших [см.: 29].

Андеркласс — основные концепции

Исследователи, занимающиеся проблематикой андеркласса, предлагают ряд разных классификаций, которые лишь мнимо упорядочивают факторы-детерминанты его возникновения и характера. Методологические дискуссии нередко затеяют сущность самой проблемы, которую представляет существование в обществе людей, длительное время бедных. Мы занимаем позицию, согласно которой в этой важной проблематике необходимо упорядочение терминологического хаоса, мешающего начать практические действия с целью решения этой проблемы.

Среди выдвинутых концепций андеркласса следует назвать предложение Кристофера Велана [136], различающего идеологическое и научное значения этого термина. Павел Полавский [104] предлагает деление на городской *андеркласс*, *андеркласс как бич системы*, *андеркласс как средоточие глубокой бедности*, а также антропологические концепции. Другую классификацию, сосредоточенную на генезисе этой проблемы, предложил Алан Бакингам [11], различая бихевиоральную, структурную и критическую концепции андеркласса. Широкую перспективу теоретического дискурса в рамках концепции андеркласса лучше всего отражает деление на культурное и структурное направления, а также третье, объединяющее два предыдущих [77; 94; 24; 26; 28; 49; 132]. Ниже мы попробуем изложить основы этих трех теоретических перспектив.

Первый подход — бихевиоральный (называемый также культурным, консервативным, генетическим, патологическим или подходом моральной болезни) получил развитие в конце 1970-х годов. Он базируется на выявлении различий между образцами поведения (ненадлежащего поведения) членов андеркласса по отношению к остальному обществу. С точки зрения этой теории, наличие поведенческих различий имеет ключевое значение и проистекает прежде всего из абсолютной зависимости нуждающихся от материальной помощи государства, стремительного роста внебрачных связей, отсутствия профессиональной активности у мужчин и высокого уровня преступности [см.: 82; 83; 21].

“Социальная гиперопека способствовала распаду нуклеарной семьи и обусловила социализацию контркультуры, которая характеризуется низкой ценностью человеческого труда и способствует образованию долговременных форм социальной зависимости от государства, а также отличается высоким уровнем криминогенности” [82, с. 27].

Чарлз Мюррей, ведущий представитель культурного направления, анализируя процесс возникновения андеркласса в Англии, обратил внимание на три (указанных выше) основных показателя, идентифицирующих его наличие. Это — безработица среди молодых мужчин, преступления, совершаемые против людей (в отличие от преступлений против собственности), а также количество детей, рождающихся в неполных семьях. Эти критерии заслуживают более подробного анализа.

Исключенность из рынка труда группы молодых мужчин — это очень существенное явление в плане формирования андеркласса. Это иллюстрирует отход от традиционных норм, согласно которым молодые мужчины работают, чтобы содержать своих жен и детей, а также поддерживать своих родителей. Однако обычная проверка статистики незанятых людей может оказаться недостаточной, если мы вспомним о тех, кто учится в школе, ищет работу или занят в теневой сфере. Поэтому другие перечисленные выше условия тоже следует обязательно включить в анализ андеркласса.

По мнению Мюррея, преступления против людей, в отличие от преступлений против собственности, не являются следствием холодного расчета. Они обусловлены человеческой импульсивностью, свидетельствующей о “пошатнувшейся” социализации. Кроме того, преступления против людей характеризуются тем, что гораздо чаще совершаются в бедных районах крупных городов, что склоняет Чарлза Мюррея к включению этой переменной в свой анализ.

Третьим показателем формирования андеркласса является упадок нуклеарной модели семьи. Мюррей заметил в среде бедняков стремительный рост количества детей, рождающихся в неполных семьях. Результаты исследований, проведенных в США, свидетельствуют, что дети, воспитанные в полных семьях, значительно лучше учатся, они менее подвержены аберрационному поведению и, становясь взрослыми, достигают высшего материального статуса [см.: 84].

Культурная концепция андеркласса опирается на четыре основные предпосылки:

- жизнь в бедности ставит людей в особое положение, несопоставимое с жизнью других слоев;
- категория лиц, затронутых бедностью, приспосабливается к бедственным условиям, формируя определенный стиль и стратегию адаптации, изобретая замкнутую систему ценностей;
- лица с низкой профессиональной квалификацией не могут или не хотят найти работу;
- результатом такой добровольной адаптации является формирование отдельной системы ориентиров и позиций, образующих культуру, а по сути, субкультуру бедности [см.: 26, с. 102].

Центральной категорией культурного подхода является наследование социальной позиции на основании негативных норм и ценностей. “Это ключевой момент, поскольку он обуславливает институционализацию, то есть укрепление (...) жизненных ориентиров и позиций, обуславливает формирование течения жизни индивидов как самостоятельный фактор” [26, с. 103]. В бихевиоральных концепциях андеркласс составляют преимущественно зависимые от общественной помощи одинокие матери, воспитывающие детей, и безработные мужчины, утратившие интерес к заработкам из-за

регулярного получения социальных выплат. По мнению Мюррея, к группам, образующим категорию андеркласса, относятся лица, которые не ассимилируются с остальным обществом:

- бедные, длительное время получающие социальные выплаты;
- одинокие матери;
- агрессивные уличные преступники;
- наркоманы;
- молодежь, бросающая учебу, что порождает воспитательные проблемы;
- лица, работающие в теневой сфере;
- неизлечимые алкоголики;
- бездомные, нищие, бродяги;
- умственно отсталые, оставшиеся без опеки [см.: 49, с. 48].

Сторонники культурного направления утверждают, что задействованная в западных государствах система помощи, предлагающая доходы, не связанные с трудом, формирует у представителей этих социальных категорий специфические жизненные стратегии, сопровождающиеся разрушением традиционной нравственности и заменой ее контркультурой, что обесценивает и отрицает общественную ценность человеческого труда. Черты жизни сообщества андеркласса не противоречат друг другу, наоборот, наличие одних черт укрепляет другие, углубляя порочный круг социальной потерянности [77]. Зависимость от социальной помощи, основная причина образования андеркласса, вызывает сильную потребность в поддержке извне и приводит к несамостоятельности индивидов, пользующихся ею, подрывая тем самым инициативу к поиску альтернативного способа получения средств к существованию. В отдаленной перспективе это приводит к постепенной деморализации и полнейшему отрицанию ценности труда, что в итоге может привести к образованию культурного измерения бедности. Поэтому логично будет продолжить, что согласно этой концепции культурные факторы являются первичными в плане создания андеркласса по сравнению с факторами структурными, а длительная бедность — это результат формирования (суб)(контр)культуры. Чарльз Мюррей, говоря о возможностях изменения неблагоприятных тенденций и улучшения жизни американских граждан, отмечает: “Начну с предложения, которое мы в силах выполнить и которое кое-кому может быстро принести немалую пользу. У нас есть программа, способная большую часть младшего поколения превратить из хронически безработных в постоянно работающих и зарабатывающих на достойную жизнь. Эта программа значительно уменьшит количество детей, рожденных малолетними матерями, изменит тенденции распада бедных семей, заметно увеличит социально-экономическое развитие нуждающихся семей. Такие изменения могут охватить несколько миллионов людей. (...) Основная и самая важная часть программы заключается в ликвидации целой структуры федеральных и социальных выплат, предназначенных лицам в возрасте профессиональной активности, (...) продовольственных талонов, возмещений работающим, жилищных субсидий, обеспечение недееспособных и др. Программа оставила бы человека в возрасте профессиональной активности без всяких средств, за исключением рынка труда, помощи со стороны членов семьи, друзей и служб, финансируемых из общественных или частных источников” [84, с. 326–327]. Нам кажется, что эта ци-

тата прекрасно передает сущность культурного подхода к причинам возникновения и характерным особенностям андеркласса.

Подытоживая характеристику бихевиорального подхода, добавим, что в таком понимании общественный андеркласс по своим размерам и форме является относительно новым явлением, возникшим вследствие функционирования государства всеобщего благоденствия, а также как результат стремительных изменений в морали, которые определяют различие между андерклассом и классом работающих, признающих ценность человеческого труда. Однако можно усомниться в том, действительно ли мы имеем здесь дело с первичностью культурных факторов в формировании андеркласса и пребывании в перманентной бедности многих домохозяйств. Поэтому отношения между системой социальной опеки и членами общества, которые Чарлз Мюррей называет “ложным поощрением”, а Мария Гиршович — “ловушкой социальной помощи” [см.: 49, с. 48] (понимаемые сторонниками бихевиоральной перспективы анализа андеркласса как один из главных факторов в формировании специфической культуры бедных людей), следует воспринимать как структурную переменную. Концепция государства всеобщего благоденствия, в упрощенном понимании, представляет собой ответ на структурные процессы, послужившие причиной отставания в обществе одних социальных групп от других. С другой стороны, следует помнить о существовании культурных различий, которые обуславливают большую или меньшую подверженность структурным изменениям разных общественных групп/категорий (например, этнических меньшинств).

Второй подход к выяснению генезиса и характера андеркласса можно охарактеризовать как структурный. На общем уровне структурный подход делает ударение на том факте, что общество — это иерархическая система, однако в рамках этой концепции можно выделить две ведущие позиции, различающиеся отношением к проблеме существования общественных классов.

Представители первой позиции — это, главным образом, неомарксисты, среди которых следует назвать Эрика Олина Райта [141], считающего, что общественные классы реально существуют и сохраняют внутреннее средство. В этой системе самый низший класс — устойчивый элемент этой системы — это андеркласс, объединяющий самых бедных людей, отдаленных от остального общества большой дистанцией. Противники этой позиции [см.: 12; 95] подвергают сомнению существование классов, с одной стороны, обращая внимание на большую социальную мобильность, унификацию моделей потребления и стиля жизни, а с другой — указывая на динамичный процесс дифференциации общественных классов изнутри, в результате чего границы между классами становятся все менее четкими.

Генрик Доманьский в книге “Бедность в посткоммунистических обществах” называет два основных показателя структурного подхода:

- ссылки на систему макроструктурных факторов, связанных с функционированием рыночной экономики;
- убеждение в том, что структурные обусловленности, являющиеся имманентным атрибутом современного капитализма, составляют первичное звено, а это означает, что они ответственны за модели поведения и позиций, образующих синдром культуры бедности [см.: 26, с. 107].

В рамках структурной парадигмы Доманьский выделяет четыре основные причины устойчивой бедности. Здесь можно назвать непостоянство конъюнктуры капиталистической экономики, а также сегментацию рынка, то есть выделение периферийных и ключевых секторов на рынке труда, в отдельных отраслях и на предприятиях. Дополнительно нужно указать на пространственные основания процессов исключения индивидов из рынка труда (закрытие учреждений в пределах определенной территории), в результате чего возникают так называемые “карманы бедности”. Последнюю детерминанту устойчивой бедности в структурной концепции составляет перемещение производства из сферы промышленности в сферу услуг, следствием чего являются изменения профессиональной структуры, заключающиеся в постепенном исчезновении категорий, характеризующихся низкой сложностью выполняемых задач, связанных с физическим трудом. Маргинализировались и вследствие этого исчезли профессии, а с ними и рабочие места, которые традиционно занимали представители низших классов (например, шахтерство в Шленске) [26].

По мнению Данкена Галли, в обществах с рыночной экономикой всегда существует группа людей, которым приходится долго расплачиваться за экономические изменения. Они составляют настолько обособленную группу, считает ученый, что можно трактовать их как отдельный общественный класс. Он состоит из хронически безработных или занятых временно и нерегулярно. По мнению Галли, категорию андеркласса можно выделить на основе специфической социальной позиции, но в своем анализе ученый далек от присвоения андерклассу классового сознания и отличительных культурных признаков [см.: 132]. Однако он отмечает, что понятие андеркласса часто употребляется в неакадемических дебатах, что приводит к приписыванию ему определенного значения, выгодного с “политической” точки зрения для подтверждения принятых ранее гипотез [см.: 80].

По структурной концепции Уолтера Дж. Рансимена, андеркласс иерархически занимает самую низкую ступень общественной лестницы, то есть ниже рабочего класса, и объединяет людей с самым низким социальным статусом. К этой категории относятся не те рабочие, которые из-за своей низкой квалификации в каком-то смысле ущемлены на рынке труда, а те люди, которые вынуждены из-за своего экономического положения — как правило, из-за длительной безработицы — постоянно пользоваться финансовой помощью государства [см.: 132].

Категория андеркласса — это понятие, выходящее за рамки узкого определения группы лиц, длительное время не участвовавших в рынке труда, несмотря на то, что его часто отождествляют с хронической безработицей [см.: 39]. Питер Тоусенд (один из наиболее известных исследователей бедности во второй половине XX века, автор категории относительной депривации) и Уолтер Рансимен относят к андерклассу и других лиц, длительное время исключенных из рынка труда: пожилых людей, хронически больных, матерей-одиночек, словом, всех тех, кто не способен к полному участию в рынке труда [см.: 113; 49].

Убеждение в важной роли структурных предпосылок при формировании андеркласса разделяют Ральф Дарендорф [13] и Энтони Гидденс [42]. В своих исследованиях, сосредоточенных на развитии андеркласса в Великобритании, ученые искали причины его зарождения в реструктуризации и кризисе британской экономики. Согласно их концепции, культура беднос-

ти является формой адаптации к изменяющимся условиям существования и к выполнению новой общественной роли, а андеркласс составляет группу, культурно отличную, относительно однородную, объединяющую индивидов, не имеющих формального образования и профессиональной квалификации. Из-за этого ее члены могут отвергать институты общественной жизни и прибегать к непосредственным радикальным действиям политического характера, пытаясь изменить свое социально-экономическое положение. По мнению Дарендорфа, главным барьером, который наряду с социальной и культурной дискриминацией разделяет общество, являются реальные доходы. Реальные доходы тесно связаны с пользованием гражданскими правами, а безработные, судя по всему, лишаются их навсегда. Систематическая, многоплоскостная маргинализация, считает Дарендорф, особенно затрагивает андеркласс и присуща (...) группам меньшинств, проживающих в беднейших районах наших (...) городов и характеризующихся слабой связью со средами работающих людей, злоупотреблением алкоголем и наркотиками, рождением внебрачных детей, длительной зависимостью от социальной опеки, а также (по крайней мере среди мужчин) склонностью к преступным действиям¹. Энтони Гидденс определяет андеркласс как группу людей, занятых на самых низкооплачиваемых должностях, неопределенное время, а также (прежде всего) хронически безработных, недостаток профессиональной компетенции которых обусловлен сложностями процесса социализации и маргинальной позицией в обществе. Это связано с кристаллизацией социальной структуры и наследованием профессионального и социального статуса. Гидденс утверждает, что на основании этих признаков можно выделить андеркласс в Великобритании. По мнению этого автора, «общественные влияния, которые создают андерклассы, имеют структурный характер, откуда не становятся культурными, но когда они уже действуют, то могут привести к глубокой культурной деморализации. (...) Зависимость от социальной опеки может быть связана с культурами бедности; однако не следует считать, что им присуще абсолютное отличие от социальных и культурных оснований, которые мы встречаем в широком мире» [46, с. 163–164].

Третья концепция андеркласса сочетает культурную и структурную парадигмы. По мнению Герберта Ганса, в дискуссии между культурной и структурной интерпретацией правда находится где-то посередине. Поэтому нужен синтез культурной и ситуационной (структурной) перспектив [см.: 121, с. 23; 31]. Как истолковывают Ганса Казимера Вудз и Кшиштоф Ленцкий, этот подход имеет целью избежать ошибочного смешивания структурных барьеров, обусловленных общей экономической ситуацией, условий, в которых живут отдельные общественные группы, и вариантов адапционного поведения, возникающих на этих основаниях в культурных ограничениях, которые образуются в ситуации воспроизводства неадекватных в широком контексте моделей, проверенных в прошлом при наличии выбора других (адекватных) возможностей [см.: 75, с. 43]. «Учет влияния этих двух элементов, то есть структурных и культурных обусловленностей, видится в каждом конкретном исследовании первостепенным делом» [75, с. 43]. Эта

---

¹ Дефиниция приведена согласно формулировке Мэри Бейн и Поля Яновского в их неопубликованном труде «Urban Poverty: Basic Questions».

теория базируется на американских исследованиях беднейших социальных групп, осуществленных в 1970-х годах Уильямом Джулиусом Вилсоном [138; 139], который возникновение американского андеркласса объяснял недостатком спроса на неквалифицированных работников на рынке труда в крупных городах. Этот процесс был обусловлен миграцией деградировавших предприятий из крупных городов согласно классической теории социальной экологии. Лишенные возможности работать люди, которые постепенно становились бедными, оказывались за пределами общества, создавая фундамент культуры, опирающейся на абсолютное отрицание признанных в обществе ценностей. Концептуальное предложение Уильяма Джулиуса Уилсона относится к релятивному направлению, согласно которому черта бедности, отделяющая бедных от остального общества, проводится на разных уровнях в зависимости от зажиточности данного общества и исторического момента. В определении бедности необходимо соотнесение отдельных жизненных ситуаций с конкретным моментом времени [см.: 66, с. 12; 56, с. 26]. Для Уилсона культура является ответом на социальные, структурные принуждения, а также на ограниченные возможности. В итоге можно утверждать, что культурный статус членов исследуемых общностей, с одной стороны, зависит от товаров, услуг и умений, которые люди могут предложить, а с другой — товары, услуги и умения не свободны от влияния культурных факторов (например, расы), уменьшающих жизненные шансы неизменно бедных общностей. Хотя наблюдения Уилсона, без сомнения, были инспирированы структурным направлением, однако они, как мы уже упоминали, открывают отдельную категорию, называемую “островами бедности” на основе соотнесения в ней структурных и культурных факторов.

По концепции Уилсона, “изменения, происходящие в обществе как на макро-, так и на микроуровне, являются причиной устойчивой маргинализации определенной категории лиц, даже с тенденцией к прогрессированию, что вызывает такие психосоциальные последствия, как негативные социальные установки, отсутствие положительных моделей поведения или ограниченный уровень жизненных устремлений. Позже, в процессе социализации они передаются другим поколениям” [92, с. 215]. Среди причин изменений, обуславливающих исключение отдельных категорий людей за пределы общества, Уилсон называет макроэкономические процессы, связанные с техническим прогрессом, изменения в структуре занятости, уменьшение числа рабочих мест, а также макроструктурные изменения и бедность, которая из них вытекает, ограниченный доступ к возможностям играть престижные социальные роли, “убогое” культурное наследие. Члены таких изолированных групп выстраивают собственный мир андеркультуры, в котором доминирует сильная ориентация на сегодняшний день, неумение планировать будущее, покорность, фатализм и толерантность к патологиям. По Уилсону: “Сегодня территории гетто заселены почти без исключений наиболее уязвимыми сегментами черной городской общности, состоящими из семей и индивидов, очутившихся вне основного потока американской профессиональной системы. В состав группы входят лица, не имеющие профессиональной подготовки и квалификации, которые либо длительное время являются безработными, либо вообще не входят в состав рабочей силы; лица, втянутые в преступную деятельность и другие формы аберрационного поведения, а также семьи, давно живущие в нищете и/или зависимые от социальных выплат” [139, с. 8].

Мы рассмотрели основные течения дискурса по проблематике, связанной с андерклассом. Как видим, не все исследователи склонны усматривать в укоренении бедности отличительные культурные модели, необходимые для создания общественных связей нового класса. Однако на этом этапе воздержимся от дискуссии по поводу польской разновидности андеркласса и споров относительно его реальности в наших условиях и сосредоточимся на второй категории, связанной с длительной бедностью. Речь идет о концепции “культура бедности”.

Концепция культуры бедности Оскара Льюиса и ее недостатки

В выяснении специфики мира людей, постоянно живущих в бедности, исследователи часто пользуются концепцией культуры бедности Оскара Льюиса. Льюис — американский антрополог, который на основании собственных исследований, проводимых в Латинской Америке и в пуэрториканской части Нью-Йорка, обратил внимание на то, что длительная бедность имеет культурное основание. Он охарактеризовал бедность и связанные с ней черты общности как субкультуру с особым строением и принципами функционирования. Он подчеркнул также наследственность этих черт, то есть преемственность образа жизни из поколения в поколение в подобных семьях. “Культура бедности — это определенный образ жизни, особенно неизменный и продолжительный, передающийся из поколения в поколение в определенных семьях. Культура бедности обуславливает для принадлежащих к ее кругу соответствующие способы поведения и явные общественные и психологические последствия. Это динамический фактор, участвующий в более широкой народной культуре, а сам становящийся определенной субкультурой” [72, с. 25].

Льюис наблюдал за стилем жизни бедного населения, его убеждениями и ценностями, отличающими его от остального общества и обнаруживающими сходство с очагами бедности в разных обществах¹. Ситуация материальной депривации обуславливает весьма сходные условия жизни, а значит, и аналогичные проблемы, которые люди вынуждены решать в своей повседневной жизни. Решение этих проблем вызывает подобные реакции, которые в бедных обществах упрочаются, объективируются и превращаются в культурные нормы и образцы [см.: 69, с. 14]. Одной из основных черт культуры бедности является ее универсальность, поскольку она преодолевает рамки национальных отличий, различий между городом и селом и проявляется в выразительном сходстве в структуре семьи, в межчеловеческих отношениях, в образцах денежных затрат, ориентациях и системах ценностей [см.: 73]. Культура бедности может возникнуть в различных исторических контекстах (пространственных и временных), но обычно указывают на то, что этому способствуют следующие условия: а) существование товарно-рыночной экономики и оплачиваемого труда и производства, ориентированного на прибыль; б) постоянно высокое количество безработных и неквали-

---

¹ В первую очередь речь идет о “новейших” обществах, в которых имеют место определенные условия, приводящие к возникновению и функционированию “культуры бедности”. Одним из таких условий является существование товарно-денежной экономики, характерной для “новейшего” времени. Об этом речь пойдет далее.

фицированных работников, работающих временно; в) низкие заработки; г) отсутствие возможностей создания социальных, политических и экономических организаций среди бедного населения из-за беспомощности перед давлением властей; д) система родства скорее билатеральная, чем унilaterальная; е) наличие у господствующего класса ряда ценностей, акцентирующих накопление имущества, социальный рост, а в бедственной личной материальной ситуации усматривающих недостаток способностей и неполноценность.

Культура бедности характерна для группы беднейших людей в обществе, так называемого наинизшего класса (*lower-lower class*), который в текущей практике называют андерклассом. Наиболее подходящими кандидатами в представители культуры бедности являются выходцы из низших слоев меняющегося общества и частично отторгнутые им еще до начала перемен [см.: 58].

Очень важным аспектом концепции культуры бедности представляется наследование бедности, то есть имманентная, укорененная в самой общественной группе причина пребывания в бедности. Роман Крачля считает, что “культура бедности является категорией, детерминирующей способ поведения, иерархию ценностей бедных людей (...), которая затем определяет способ социализации последующих поколений. Культура бедности, если она уже возникла, оказывает значительное влияние на детей” [66, с. 15]. Особое влияние специфического культурного капитала на самых младших членов анклавов бедности отмечают в своих трудах, в частности, Роберт Дж. Самуэлсон и Уильям А. Нисканен [см.: 114; 89]. Нисканен в своей книге ссылается на наблюдения и исследования Сьюзен Майер (из Чикагского университета), утверждающей, что “родительские черты, которые ценятся и финансово поощряются работодателями у работников, это: честность, увлеченность работой, хорошее здоровье и обязательность. Эти черты играют важную роль в процессе социализации и способствуют улучшению жизни детей, независимо от размера доходов семьи. Дети, чьи родители обладают такими чертами, хорошо устраиваются в жизни даже тогда, когда доходы родителей невелики” [114, с. 21А].

Сьюзен Майер определяет преемственность между младшим поколением и старшим основной (несравнимо более важной, чем другие) детерминантой в выработке образцов поведения, ценностей и социализированных норм детей. По ее мнению, передача следующему поколению указанных черт гораздо важнее экономических трудностей, то есть в ее анализе судеб людей или определенных общественных групп культурные факторы доминируют над материальными.

Оскар Льюис, анализируя конкретные черты общностей, которые относятся к культуре бедности, выделил четыре уровня анализа: более широкого общества, локальной общности, семьи и индивида. На уровне более широкого общества (уровни анализа определены по: [72, с. 52–56]) культура бедности отмечена отсутствием действительного участия в крупных институтах (например, отсутствием принадлежности к политическим партиям, союзам). Это вытекает, наряду с прочим, из нехватки финансовых средств, а иногда из дискриминации, страха, подозрительности или апатии. Недостаточность связей с институтами более широкого общества превращается в отсутствие участия в жизни общества. Оскар Льюис одновременно подчеркивает, что само участие в каком-либо институте не отменяет принадлеж-

ности к культуре бедности. Другие черты этого уровня — постоянная безработица и нерегулярность работы, что влияет на низкий уровень зарплат. Бедные реагируют на такую ситуацию, часто закладывая личные вещи, одалживая деньги, покупая бывшие в употреблении одежду и т.п. Характерно также критическое отношение к основным общественным институтам, что выражается, в частности, в негативизме в отношении к милиции, сановникам и власти.

На уровне локальной общности жизнь в “анклавах бедности” — это борьба с ужасными жилищными условиями, теснотой. Характерно также неучастие в организациях, выходящих за рамки семьи, то есть происходит замыкание в родственном кругу и нежелание общаться с соседями и окружением.

На уровне семьи основные черты культуры бедности таковы — отсутствие детства как защитного этапа и продолжительного периода в цикле жизни, повсеместные конкубинаты, необязательные связи и тенденции к созданию матриархальных семей.

На психологическом (индивидуальном) уровне основными чертами являются чувство вытесненности на маргинесы, безысходность, зависимость, чувство неполноценности. Безразличие, фатализм, примирение с собственными патологиями — это повседневность постоянно бедных людей.

Концепция культуры бедности также вызывала критические реакции. Возможно, поводом к этому послужило то, что Оскар Льюис, который с 1959 года, когда он впервые использовал термин “culture of poverty”, многократно уточнял и конкретизировал свою концепцию, но так и не выработал стройной и однозначной теории. Его обвиняли в упрощенном видении пребывания в бедности, заикленности на культурных и психологических предпосылках. Указывалось также на значительное сходство определяющих ценностей представителей бедных слоев и остального общества, что, по мнению оппонентов, противоречит главным положениям концепции [см., напр.: 92; 79]. Консервативные ученики Льюиса, применяя эту концепцию, сосредоточились почти исключительно на чертах индивидов, нормах, ценностях, ориентациях, ожиданиях, что породило интерпретации, согласно которым нормы и поведение человека являются причиной бедности. Хотя Льюис никогда не говорил, что бедные сами виноваты в своей бедности, тем не менее подобное толкование его теории также имело место. Исследователи, использующие термин “культура бедности”, обычно исходят из того, что бедные живут в культуре, значительно отличающейся от присущей остальному обществу. Такой подход предполагает обращение к концепции субкультуры, то есть реального общественно-культурного продукта. Однако, намереваясь пользоваться понятием “субкультура”, мы должны учитывать все последствия, вытекающие из этого факта, в частности из терминологического хаоса. Понятие “(суб)культура” в контексте бедных общностей чаще всего используют в исследованиях, когда авторы хотят подчеркнуть нормативный аспект поведения, принципиально отличающийся от общих стандартов. Но априорное принятие такой концепции было бы упрощением этой категории. С точки зрения Мильтона Зингера, в дополнение к изложенной выше интерпретации, термин “(суб)культура” следует трактовать как группу, общность, находящуюся в конфликте с остальным обществом в смысле противостояния исповедуемым ценностям. По Зингеру, культура бедности будет иметь смысл, если мы не станем трактовать ее ни как особое

качество с характерным межпоколенческим развитием, ни как оппозицию традиционной культуре (то есть как контркультуру). Культура бедности не является результатом ни эволюции, ни реакции. Из этого следует, что ее нужно трактовать как один из жизненных путей среди других, который черпает культурные элементы, установки и нормы также из остальных путей [см.: 112, с. 383–387; 116, с. 352; 142, с. 625–635].

Джек Л.Рочи и Орвил Р.Герслин замечают, что ученые часто для “собственных нужд” изменяют дефиницию культуры бедности и таким образом возникает терминологический хаос. Этот хаос частично порождается и необходимостью междисциплинарных исследований явления, что нередко приводит к недоразумениям. Случается и так, что, анализируя научные работы, трудно понять, какой цели должна служить концепция культуры бедности — выяснению или описанию общественных явлений. В анализе часто отсутствует связь между субкультурными элементами из-за смешения различных (нередко нестыкующихся) социологических, антропологических, культурных фактов. В освещении культуры бедности очень часто недостает спецификации зависимых и независимых переменных. Например, убежденность в том, что будущее невозможно контролировать, может стать как причиной культуры бедности, так и ее проявлением [см.: 112].

Андеркласс и культура бедности — связи и дефиниции

Обо всех противоречиях, связанных с использованием в общественных науках терминов “андеркласс” и “культура бедности” и не расскажешь. Принципиальные проблемы, которые мы можем здесь очертить — это не оговариваемое авторами, которые используют данные понятия, сосуществование в исследовательских трудах дефиниций, основанных на здравом смысле, с более систематизированными (научными), а также непоследовательность (нечеткость) их употребления. Мало того, в связи с междисциплинарным характером рефлексии над проблематикой андеркласса и культуры бедности, можно отметить некоторую понятийную неразбериху, поскольку социологи, психологи, антропологи, политологи, историки и экономисты привносят собственную перспективу в рамки определения. Следует упомянуть и исследователей, которые пользуются этими понятиями без должной рефлексии в разговорном значении этого слова. Мы имеем в виду, например, весьма характерную тенденцию трактовать данные термины априори как синонимичные. Эльжбета Тарковская утверждает, что “способ понимания культуры в исследованиях преемников и продолжателей Оскара Льюиса имеет мало общего с его оригинальной широкой антропологической концепцией, охватывающей разные измерения жизни людей и семей, собственно и составляющие специфический образ жизни. Культура в исследованиях бедности часто сводится к индивидуальным установкам и взглядам, которые можно произвольно менять и переоформлять. ... Культура в широком, антропологическом, понимании — **как всеобщее достояние группы**, как внешняя относительно индивида составляющая ситуации, а не как узкая сфера выбора и ответственности лиц — не находит места в таком подходе” [122, с. 24]. Наиболее частой ошибкой, появляющейся в работах, где используются категории “андеркласс” и “культура бедности”, является отсутствие точности в определении пункта отнесения собственных рассуждений. В исследованиях, особенно в аспекте реальности андеркласса, чрез-

вычайно важна полная характеристика используемых понятий. В контексте вышеописанных дебатов вокруг концепции андеркласса следует указать, что это — категория относительная, требующая точного очерчивания ее значения.

Для задач нашего исследования примем, что в концепции андеркласса можно выделить несколько равновесных уровней анализа, позволяющих определить элементы, которые конституируют андеркласс, что замечательно осуществила Мери Дейли, выделившая:

- пространственное измерение (нахождение в пространственной близости, проживание в соседстве с другими бедными, оказавшимися в такой же социальной ситуации);
- структурное измерение (общественное исключение и маргинализация);
- временное измерение (продолжение очерченного поведения, состояний или условий в течение длительного периода);
- измерение депривации (наличие одновременно разных социальных проблем — плохих жилищных условий, социальной изоляции, исключения из рынка труда, политической пассивности);
- культурное измерение (культурное сходство — черты культуры бедности [17]).

В толковании Мери Дейли андеркласс, таким образом, является категорией людей, испытывающих общественную маргинализацию и исключение в течение длительного времени, переживающей депривацию в разных областях жизни, находящейся в обнищавшем окружении и характеризующейся культурным сходством, которое можно определить как культуру бедности [см.: 132, с. 40]. В дальнейшем анализе, посвященном вопросу реальности польского андеркласса, воспользуемся дефиницией, предложенной Дейли, которая совпадает с нашим пониманием этой категории.

В предлагаемом нами понимании андеркласс является постоянно маргинализируемой, изолированной от основного потока общественной жизни общностью, занимающей в структуре новейших обществ (которые живут в условиях рыночной экономики с развитой культурой участия и акцентом на самореализации, что проявляется в социальном росте и достижении успеха) самые низкие ступени в иерархии и отличается характерным стилем жизни, набором установок, целей и ценностей, передающихся по принципу поколенческой трансмиссии¹. Этот унаследованный перечень элементов общественной экзистенции аутсайдеров, специфику микромира бедных людей с выразительными чертами новой культуры можно очертить как “культуру бедности”. Пространственная изоляция, и прежде всего культурная “надстройка” выделяют андеркласс среди других бедных групп и социальных категорий.

В нашей интерпретации, как и в трактовании Мери Дейли, культурные элементы являются лишь одной из одинаково важных “составляющих”, конституирующих андеркласс. Поэтому мы также считаем, что спор относительно преимуществ структурных или культурных элементов в многоаспектном процессе формирования андеркласса, — это просто разновидность крайне инфантильных диспутов типа: “что первично: яйцо или кури-

---

¹ Черты, выделенные Оскаром Льюисом [см.: 72, с. 52–56].

ца?”. Формирование общественного андеркласса — явление сложное, поэтому можно авторитетно утверждать, что и длительная зависимость от общественной опеки, и общественно-экономическая трансформация, и особенно тенденции к рационализации и реструктуризации рынка труда, играют в нем ведущую роль. Такие процессы породили польский андеркласс в центрах бывших государственных аграрных хозяйств и в крупных промышленных городах.

Андеркласс и его культура на польской почве

Наш тезис формулируется так: в польских реалиях, сложившихся после ликвидации государственных сельских хозяйств, мы имеем дело с общностями, которые, согласно изложенной нами выше концепции, можно интерпретировать как андеркласс. Исследователи, однако, осторожно прививают данную теоретическую матрицу на почву польского общества. Имеются ссылки [см.: 25; 71; 104; 115; 118–121; 131–134; 51; 106–109; 137; 57–60] на концепцию андеркласса Ральфа Дарендорфа, Уолтера Дж. Рансимена, Джона Кеннета и Уильяма Дж. Вилсона, а также на приведенную выше теоретическую концепцию культуры бедности Оскара Льюиса [шире об этом см.: 14–15; 34–35; 69–72; 138–139]. Но исследователи не переносят эти теории на польскую почву некритически. Говорят скорее о маргинализации или маргинальности и связанных с этим неуверенности, нестабильности, ущемленности, безысходности, общественном неравенстве, неприятии, дискриминации, отказе, отлучении, стигматизации, эксклюзии, алиенации, анонии и депривации [88, с. 9]. Павел Полавский в 1997 году обращал внимание на то, что в Польше не отмечается межпоколенческой трансмиссии черт зависимости от социальной помощи, и подчеркивал выраженную аморфность “популяции” бедных в Польше. “Популяция отлученных не приобрела за это время надлежащей сформированности. Не составляет она ... социальной группы в том смысле, что между маргинализированными гражданами не существует определенной связи, ничто не указывает на то, что они проявляют какое-либо чувство групповой принадлежности. Вместо этого можно с полной уверенностью говорить о маргинализованной социальной категории; эта маргинализованность, отлучение от институтов составляет, собственно, единственный критерий ее выделения” [104, с. 114].

Эльжбета Тарковская, ссылаясь на наблюдение Дануты Залевской [144], обращает внимание на “определенную дистанцию по отношению к концепциям, применяемым в исследованиях бедности в других обществах — в американских метрополиях или в обществах Западной Европы, основанную на убеждении в абсолютной специфичности польской бедности и несоответствии данных понятий и категорий польской действительности” [119, с. 93]. Тарковская утверждает, что концепция культуры бедности в своей крайней форме, то есть когда ее понимают как очерченный, общий тип ценностей, поведения и норм, применима прежде всего для определения “неизменности во времени (или изменчивости) способов попадания в состояние бедности, преодоления его или сохранения” [120, с. 4], ее также можно использовать как инструмент для описания различных фигур бедности (в том числе крайних форм маргинализации). Однако такой подход требует принятия выделенных Льюисом черт культуры бедности сугубо как

набора гипотез. Именно так использует эту теорию Тарковская в собственных исследованиях постгоссельхозовской общности.

Катаржина Коженевская, продолжая дискуссию о существовании в польской постгоссельхозовской среде сформированного андеркласса, концентрирует свое внимание на сходстве в стиле жизни бедных людей и относительно “богатых”, а также на аспекте зависимости бедных домохозяйств от общественной опеки. Коженевская исходит из положения о том, что одним из важнейших (конститутивных) элементов андеркласса является “длительная, часто охватывающая несколько поколений зависимость бедных от институтов социальной помощи” [64, с. 142]. Этот вопрос представляется весьма противоречивым. Автор замечает, что в недавно сложившихся постгоссельхозовских реалиях сложно проследить зависимость. Вместе с тем она указывает, что ее можно найти в патерналистском влиянии бывших госсельхозов на своих работников и на их семьи, а также в образующихся структурах межпоколенческой помощи, которая выражается в помощи детям со стороны родителей-пенсионеров, имеющих постоянный доход. Коженевская избегает выводов, утверждая только, что все формы помощи для бедных хозяйств “следует учитывать при операционализации андеркласса и применении его в исследованиях польского общества” [64, с. 158].

Представители “лодзинской школы исследований бедности” также подчеркивают значение длительной зависимости от социальной помощи в формировании андеркласса. Однако они добавляют, что в очерчивании принадлежности к андерклассу масштабы зависят от способа определения этой категории. “Если принять, что андеркласс формируется тогда, когда его члены экономически и пространственно изолированы от остального общества ..., показателями чего являются длительное пребывание вне рынка труда, отсутствие постоянных доходов и получение в течение долгого времени пособия по безработице, а также проживание в районах концентрации бедных, тогда относительная доля этой категории достигнет 4–5% общего количества исследуемых хозяйств, являющихся получателями социальной помощи” [49, с. 277]. По мнению исследовательского коллектива, возглавляемого Велиславой Важиводой-Крушиньской, в Лодзи мы имеем дело с активным процессом формирования андеркласса. Это подтверждают описания мест проживания бедных людей, общественные механизмы, приводящие к их изоляции, процессы воспроизводства бедности и оформленные стратегии выживания в трудных условиях жизни [см.: 133, с. 27].

Вопрос формирования андеркласса присутствует в многочисленных разработках исследователей, занимающихся проблемой бедности в Верхней Силезии [см.: 75; 140; 30]. Они различают две модели “силезской бедности”: старую, укоренившуюся, опирающуюся на культурную традицию, передающуюся из поколения в поколение, и новоявленную, когда на первый план выдвигаются структурно-системные факторы. “В случае силезской семьи многие черты указывают на то, что определенный культурный тип традиций и связанная с ним модель семьи ... и представляемый тип отношений с более широким общественным окружением, вытекающий из этого, составляют важный барьер адаптации к изменениям, сдерживают образцовательные притязания молодого поколения или вообще подавляют их в зародыше, способствуют тенденциям к прозябанию, поддерживая приобретенную беспомощность..., вытесняют значительную группу исследуемой общности (силезской) на уровень андеркласса” [140, с. 52–53]. В формиро-

вании локальной разновидности андеркласса в случае “традиционных” семей ведущую роль играют культурные факторы, а структурные больше детерминируют судьбу прибывших семей.

Генрик Доманьский в рамках международного исследовательского проекта “Ethnicity, Poverty and Gender in Transitional Societies” характеризует реальность (степень выделенности) андеркласса в шести посткоммунистических обществах. Семь основных социально-профессиональных категорий EGP (от первых букв фамилий авторов данного подхода — Erikson, Goldthorpe, Potocarero) он обогащает категориями “безработные” и “андеркласс” (это лица, которые профессионально не работали и вместе с тем доход их семей формировался на уровне менее 50% от среднего на человека), сосредоточившись на анализе общественного положения, занимаемого этими двумя “дополнительными” группами в разрезе нескольких показателей общественного положения. Это: образование, жилплощадь и другие жилищные условия (определяемые на основании наличия ванной и туалета), наличие автомобиля, влияние социального происхождения (которое определяется уровнем образованности матери). Результаты подвергались дискриминантному анализу, с приписыванием каждой категории дискриминантного веса, определяющего место, которое занимают те или иные категории в очерченном количестве измерений. Результаты анализа Доманьского указывают на то, что в Польше андеркласс отнюдь не занимает низшую иерархическую ступень, поскольку гораздо хуже оказывается положение безработных и крестьян [см.: 26; с. 23, 37–42]. На этом основании Генрик Доманьский утверждает, что в Польше пока нельзя говорить о сформированности андеркласса. “Результат небанальный; анализируя положение категории, которую хотят отнести к андерклассу, на фоне интеллигенции, рабочих, собственников и других сегментов, мы не находим весомых доказательств для отведения ей отдельной позиции” [26, с. 46].

Завершая наше обсуждение, приведем слова Эльжбеты Тарковской, утверждавшей, что “локальная польская бедность обнаруживает много общих черт с процессами глобального масштаба. Возможно, это еще не андеркласс, но “члены госсельхозов находятся на пути к длительной маргинализации”. “...Постгоссельхозовская бедность уходит корнями во времена ПНР, она опирается на сформированные тогда установки, нормы ментальности...”. “Специфическая культура госсельхозов служит основой культуры бедности в польском издании, а среда бывших госсельхозов является средоточием формирования польской версии андеркласса” [119, с. 101].

Приведенные выше фрагменты дискуссии по поводу “польского андеркласса” отражают скептицизм отдельных исследователей относительно наличия андеркласса в польском обществе. Однако следует помнить об относительном статусе понятия андеркласс и отсутствии консенсуса в отношении его конститутивных элементов. Мы не будем затрагивать в нашей статье темы реальности классов в польском обществе, существования классов в общем смысле, а также связанных с этим многочисленных вопросов (например, относительно социальной мобильности, атрибутов классовой принадлежности, последствий рекомпозиции черт общественного положения), поскольку сложность этой проблематики выходит за рамки нашего рассмотрения. В наших рассуждениях, сосредоточенных на реальности черт андеркласса в постгоссельхозовских общностях, точкой соотнесения, с одной стороны, будет наша дефиниция, выражающая суть андеркласса в связи

с категорией “культура бедности”, а с другой — многосторонний подход к андерклассу, предлагаемый Мери Дейли. Пять уровней (измерений) андеркласса, выделенных Дейли, послужили инструментарием для нашего анализа.

Прежде чем рассматривать постгоссельхозовские общности с точки зрения пяти ранее выделенных уровней, мы хотим определиться по поводу существенных замечаний Павла Полавского, касающихся необходимости групповых связей в сформированном андерклассе и отсутствия таких связей в случае членов “польского андеркласса”. Эти замечания представляются нам принципиальными, учитывая наше стремление пересмотреть “американскую” модель андеркласса (с ее расовым аспектом) в контексте польских реалий. В анализе андеркласса или культуры бедности важен так называемый национальный контекст (по Льюису). Льюис подчеркивает, что о существовании сформированной группы длительной бедности не может свидетельствовать “полный набор” приведенных выше характеристик. Общности характеризуются различными с определенной точки зрения отличительными особенностями жизни людей”. Сердцевина сформированной культуры, несмотря на некоторые модификации, в основном остается устойчивой. Общности различаются не только культурой, но и самой структурой и размещением в ней отдельных социальных групп, о чем, в частности, говорит Генрик Доманьский. “Вряд ли для всех стран существует единый образец или одна иерархия — точно так же не следует ожидать одинаковой иерархии для всех аспектов бедности в каждой стране, поскольку отдельные измерения социальной стратификации не имеют такого вида” [26, с. 30]. Стоит упомянуть здесь наблюдение ранее цитированного социолога и педагога Герберта Ганса, который на основе своего анализа американского общества [с.м.: 40; 41] утверждает, что идеальный тип андеркласса в отрыве от локального контекста, специфики конкретного общества является сугубо элементом политической риторики.

Приняв во внимание приведенную мысль, сосредоточимся на проблеме пространственной изоляции постгоссельхозовских сред. Безусловно, между территориями бывших госсельхозов и “остальным” обществом возникли барьеры, которые нельзя рассматривать только в пространственном измерении, нужно еще и культурное. Территориальная изоляция бесспорна. Данута Томашевская, анализируя пространственные аспекты жизненной ситуации жителей бывших госсельхозов в отдельных повятах Варминьско-Мазурского воеводства, вводит четыре типа постгоссельхозовских поселений: 1) поселения, расположенные в городах и гминных центрах или в непосредственной близости от них; 2) малые и средние поселения, локализованные на территориях существующих сел; 3) средние и крупные поселения, постгоссельхозовские городки, расположенные вдали от городов и сел; 4) малые и очень малые колонии, расположенные далеко от больших населенных пунктов, вблизи места работы. Для нашего исследования важны, в частности, выводы Томашевской о том, что 3 и 4 типы составляют 70% всех постгоссельхозовских поселений в выбранных восьми повятах Варминьско-Мазурского воеводства. Это подтверждают наблюдения других исследователей (например, Эльжбеты Тарковской, Марии Гальямской, Ежи Вилькина, Барбары Перепечко), которые могли бы подписаться под таким утверждением Эльжбеты Псик-Петровской: “...постгоссельхозовские общности возникли в местах, особым образом обособленных от более широкого “простра-

нства” (общественного и территориального), что обусловило их изоляцию. ...Жителей постгоссельхозовских поселений “поселили” на административно обособленных территориях государственных сельских хозяйств, в бывших пофольварочных помещениях или вновь построенных домах, нередко локализованных вдали от других сельских местностей” [109, с. 387].

Государственные сельские хозяйства были не только местом работы людей, они влияли на стиль жизни, организацию свободного времени. Образовалась специфическая среда людей с низким культурным капиталом, компетенцией и квалификацией, со схожей системой ценностей, норм и целей. Эльжбета Псик-Петровская называет такую ситуацию функционированием “очагов андеркласса”. “Пользуясь имеющимися концепциями “очагов андеркласса”, можно считать поселения, возникшие вокруг госсельхозов, социальными пространствами с чертами среды бытования похожих друг на друга семей” [109, с. 388].

После изменений 1989 года большинство работников госсельхозов выкупили свои жилые помещения. Агентство сельскохозяйственной собственности госказначейства успело продать 83% помещений в постгоссельхозовских поселениях, то есть 276 тыс., однако их владельцы не смогли реально воспользоваться правами собственности во всей их полноте. Хотя Агентство ввело многочисленные скидки (вплоть до 90% стоимости помещений), большинству работников пришлось воспользоваться кредитами, чтобы выкупить свои жилища. Из-за сложностей с выплатой кредита они не могли продать их на свободном рынке, что, в свою очередь, сделало невозможным миграцию и поиски работы в другом месте. Это также повлекло за собой, с одной стороны, повышение затрат на содержание (например, ремонт, отопление), а с другой — ухудшение условий проживания и инфраструктуры поселений. Подобно эффекту домино, это обусловило и другие аспекты маргинализации постгоссельхозовских сред из-за ограничения доступа к услугам в сфере коммуникации, культуры, отдыха, торговли, безопасности. Поселения общностей, состоящие из бывших работников госсельхозов, отмежевались от остального общества вследствие своей малой мобильности и социальной и инфраструктурной деградации.

В структурном измерении для андеркласса важна институциональная изоляция постгоссельхозовских сред. Поль Петерсон [100] подчеркивает, что “институциональная пустота” в очагах андеркласса закрепляет маргинальность, которая, собственно, базируется на исключении из институционально-организационного общества. Дефицит институтов способствует углублению бедности. В постгоссельхозовских поселениях “институциональная пустота” наблюдалась с момента ликвидации госсельхозов, а вместе с ними и всей сферы услуг, которые облегчали контакт с внешними институтами (например, благодаря доступу с разными целями к средствам транспорта работников и их семей) [см.: 109, с. 392–393]. Государственные сельские хозяйства были не просто местом работы, но и институтом, который организовывал жизни своих тружеников и их семей во многих других аспектах (культурных, рекреационных, образовательных). Их отношения не ограничивались так называемой официальной сферой, поскольку существовали и неофициальные двусторонние связи между руководством госсельхоза и локальной общностью. Природу госсельхозовских отношений определяли как “культурный патронат”, а более поздние изменения этих связей в контексте постгоссельхозовских сред — как “институциональный патернализм”,

всесторонне проанализированный Иоанной Ястшембской-Шклярской и Богданом Шклярским [54, с. 105–140]. Вместе с ликвидацией госсельхозов исчезла прежняя институциональная сеть, а новой создано не было, что привело к возникновению в пост-ГАХ-х общностях “институциональной пустоты” (с единственным “оазисом” в виде института социальной помощи) и стало фактором, усилившим процесс пауперизации или маргинализации этих сред. Категорию “маргинализация” мы понимаем так: 1) применительно к постгоссельхозовским общностям, функционирующим в обществе после 1989 года, — как длительное, пограничное, наследуемое состояние изоляции от более широкой сферы общественной и культурной жизни; 2) относительно ПНР, где “маргинализацию” постгоссельхозовских общностей мы трактуем процессуально, — как формирование определенных черт общности. Это позволяет произвести некоторое упорядочение, однако трудно установить момент, начиная с которого можно говорить о “длительной маргинализации” постгоссельхозовской общности [см., напр.: 31; 65]. Факт явного разрыва институциональных связей между членами постгоссельхозовских сред и остальным обществом не вызывает сомнений. Члены этих обществ не относятся к партиям, спортивным клубам, неприбыльным организациям и т.п. Более того, они подвергают сомнению основания институционального общественного строя (правительство, самоуправление, полицию, церковь) (см., например, результаты исследований, осуществленных Аркадием Карвацким [57]).

Маргинализация постгоссельхозовских сред является процессом, исходящим одновременно во многих плоскостях. В этом контексте следует отметить, что измерения анализа андеркласса, предложенные Мери Дейли, тесно взаимосвязаны, а конкретные черты общности и соответствующие процессы стимулируют другие. Поэтому измерение депривации в анализе андеркласса связано с указанными выше процессами образования постгоссельхозовских сред. В поселениях, где проживают бывшие работники госсельхозов и их семьи, изоляция от более широкого общественного контекста обуславливает своеобразную циклическую траекторию депривации, которая по принципу обратной реакции исключает людей из разных форм общественной жизни [см.: 26]. Так, пространственная изоляция и связанный с ней ограниченный доступ к образовательным институтам приводит к постоянному уменьшению имеющегося (и без того малого) социального капитала, что объясняет недостаточную компетентность людей в свете требований, которые выдвигает рыночная экономика (уровень умений, квалификации, творческих способностей). Этим обусловлены ограничения трудоустройства, а отсюда — низкие доходы хозяйств, что, в свою очередь, приводит к непреодолимости пространственных барьеров для многих членов при отсутствии инвестиций [см.: 124].

Временной анализ (третье измерение андеркласса) образцов пребывания в бедности, то есть исследование бедности в динамическом аспекте, на польской почве долгое время не проводилось. На важность этой научной перспективы сегодня обращают внимание Эльжбета Тарковская, Велислава Важивода-Крушиньская и Иоланта Гротовская-Ледер. “Сутью динамических, диахронических исследований является длительное, пролонгированное регистрирование данных о различных аспектах явлений, в частности материальной ситуации, а также процессов обнищания и преодоления бедности. Наблюдение осуществляется в отношении одной и той же группы

людей в течение длительного периода в разные моменты жизни” [49, с. 106]. Поищем истоки современной постгоссельхозовской бедности. Польский контекст андеркласса — это маргинализация работников госсельхозов еще во времена ПНР¹, а также специфическая гибернация общественного и культурного капитала и связанных с ним черт жизни общности, происходящей из крестьянской среды межвоенной Польши². “Работники госсельхозов — это выходцы из сельской бедноты..., о которых их дети и внуки часто говорят, что они “работали” в госсельхозах. Рассказы о детстве старших респондентов посвящены происхождению бедности и нищеты их семей — голоду, отсутствию продуктов, одежды, обуви” [121, с. 94–95]. В прошлом формировался хребет установок, ценностей и норм современных членов бедных сред. Работники госсельхозов были малообразованными, имели ограниченную профессиональную компетенцию. Такие люди жили в “мире” развитой системы разнообразных услуг, в системе всесторонней опеки. В контексте рассуждений Катаржины Коженевской следует заметить, что длительная, укоренившаяся в ПНР зависимость от помощи “извне” повлияла на формирование польского андеркласса³. То есть формировалась специфическая среда с доминированием стиля жизни, “...в котором господствовали нестабильность и временность, без прошлого и планов на будущее, ...стиль жизни и ментальность с ограниченной ответственностью” [88, с. 12]. Так сформировался класс людей, не присоединившихся к меняющемуся миру. Можно утверждать, что в случае постгоссельхозовских общностей внезапные качественные общественные изменения (трансформация строя, начало общественно-экономической трансформации) не породили “культуру бедности”, а сделали ее явной⁴. Они проявились у этих общностей ряд черт, присущих культуре бедности в ее универсальной форме (по Льюису). Таким образом, мы можем констатировать, что на постгоссельхозовских территориях бедность явственно укоренилась во времени и ее нельзя рассматривать только в перспективе нескольких лет трансформаций.

Последнее из измерений, формирующих андеркласс, — культурное — заслуживает в контексте нашей работы особого внимания, поскольку анализ на этом уровне является одновременно попыткой ответить на вопрос, сформировались ли в постгоссельхозовских общностях черты культуры бедности в понимании Оскара Льюиса. Мы, несколько забегаая вперед, уже

¹ Барбара Перепечко во время дискуссии на конференции “Современное польское общество” (Познань, 20.02.2002) указала, что работники госсельхозов и их семьи были уже в период ПНР давно маргинализированными.

² Ср.: [96, с. 106–116; 99, с. 21–22]. Укорененности в прошлом современной “постгоссельхозовской” бедности посвящены обширные фрагменты книги под редакцией Э.Тарковской [121].

³ Следует подчеркнуть, что сама по себе принадлежность к потребителям развитой системы услуг не является фактором, определяющим “принадлежность” к андерклассу в трансформационное время, поскольку в таком случае значительную часть населения во времена ПНР нам пришлось бы классифицировать как лиц, находящихся под угрозой синдрома андеркласса. Процесс образования андеркласса сложный (о чем мы скажем далее), и в таком контексте мы должны учитывать и другие элементы.

⁴ Ни в коей мере, однако, нельзя преуменьшать влияния трансформации строя на жизнь членов постгоссельхозовской общности.

очерчивали специфику жизни членов постгоссельхозовских общностей, ссылаясь на культуру бедности. Павел Полавский справедливо отмечает, что нельзя говорить об андерклассе с собственной культурной надстройкой в отрыве от межпоколенческой преемственности особенностей жизни общности. Как пишет Эва Новицкая, “культура ... передается в пространстве и времени, то есть подлежит диффузии, может быть кумулированной с накоплением опыта в процессе межпоколенческой преемственности” [91, с. 60]. В 1997 году Полавский не усматривал межпоколенческой трансмиссии среди постоянно бедных людей Польши. Это можно объяснить отсутствием комплексных программ исследований в первые годы польских трансформаций, которые бы позволили диагностировать реальность этих процессов. Нам представляется, что результаты исследований последних лет, например, осуществляемых в рамках международных проектов “Social History of Poverty in Central Europe” [121], “Poverty, Ethnicity and Gender in Transitional Societies” [63; 26], а также менее масштабных [64; 57; 143], однозначно указывают на закрепление в последующих поколениях синдрома культуры бедности. Исследовательский проект Аркадиуша Карвацкого [56; 57] (реализован осенью 2000 года) был сосредоточен на анализе поколенческой трансмиссии черт культуры бедности среди жителей постгоссельхозовского поселения одного из повятов Варминьско-Мазурского воеводства. Можем ли мы приписать поколению детей работников госсельхозов черты культуры бедности, выделенные Оскаром Льюисом? Можно ли говорить применительно к постгоссельхозовским средам об устойчивом синдроме культуры бедности? Во вступлении автор исследования высказал гипотезу о том, что специфика жизни постгоссельхозовских общностей — ценности, нормы и установки — обнаруживает черты, которые Льюис ранжировал по четырем уровням (о чем уже упоминалось). Анализ охватывал молодежь в возрасте от 20 до 30 лет из очагов постоянной бедности. Методика исследования — анкета опроса — была разработана так, чтобы выявить черты культуры бедности, выделенные Льюисом. В анкете, в частности, были вопросы, касавшиеся трудоустройства, семейного положения, жилищных условий, способов пополнения семейного бюджета, преодоления трудностей, родственных, соседских отношений, профессиональных и образовательных притязаний относительно детей, употребления алкоголя, политических ориентаций, отношения к власти, полиции, церкви, форм досуга и т.п. Кроме того, данные подкреплялись опросами родителей (в произвольной форме) отдельных молодых респондентов. Результаты исследований однозначно указывают на то, что большинство характеристик, описанных Льюисом, имеет место в постгоссельхозовской действительности, единственное отличие от указанного им образца состоит в относительно небольшом количестве конкубинатов.

Анализируя результаты исследований, проведенных Карвацким, можно отметить, что на уровне более широкого общества члены исследуемой постгоссельхозовской общности часто негативно относятся к полиции, правительству, сановникам и властям. Их они считают виновными в собственной бедственной ситуации. Пятидесятилетняя женщина (имеющая шестерых сыновей) говорит: “К какой партии..? Ни те, ни другие госсельхозов нам не вернут. Работы и так не дадут,.. а забрали”. Весьма выразительными являются и низкие показатели доходов на одного члена семьи, обусловленные длительной безработицей, эпизодически выполняемой работой, низкой

оплатой и низким уровнем образования. Молодые жители поселения не хотят искать работу, обосновывая это тем, что, дескать, "...отец и мать не имеют работы, так почему я должен стараться?". В свою очередь те, кто нашел работу, оценивают себя как "рабочих волов", "рабов", эксплуатируемых. Аналогичные наблюдения получила Эльжбета Псик-Петровская [ср.: 106, с. 45]. Работодатель, имеющий бизнес на территории бывшего госсельхоза, отмечает, что работники — выходцы из поселения, не идентифицируют себя с фирмой. "Они делают все, лишь бы ничего не делать. Хотят, чтобы им платили ни за что".

Люди, живущие на минимальную зарплату, зачастую делают покупки в самых дешевых магазинах, ремонтируют старые вещи, всячески ограничивают расходы, а если это не приносит результата, занимают деньги (в основном у родственников) или продают вещи из дома. Двадцатидвухлетний житель поселения говорит: "Недавно мы продали диван, который еще отец принес, когда потерял работу".

Пособие по безработице для многих хозяйств составляет основу бюджета. По данным гминного социального работника, многие семьи получают постоянную или периодическую помощь, немало их пользуются эпизодическими социальными выплатами. Детей подкармливают в школе. Из наблюдений следует, что множество семей находится в критической ситуации. Домохозяйства бедствуют, о чем свидетельствует информация городской администрации. Функционеры из центров социальной помощи указывают на формирование у незаинтересованных на первых порах в пособиях по безработице семей весьма характерной "привычки" получать такую помощь. Это приводит к снижению жизненных устремлений и росту претензий. Укажем также, что часть бедных умело используют систему помощи, хорошо ориентируются в юридических законах, могут определять критерии предоставления таких услуг.

Нерегулярный и относительно низкий уровень семейного бюджета заставляет людей по мере необходимости делать мелкие покупки и часто залезать в долги в трех разных магазинах, расположенных в поселении. По мнению одного из владельцев магазина, половина клиентов нуждаются в "покупках в тетрадь". Одни поступают так постоянно, другие — лишь иногда. Владелец лавочки в поселении говорит, что с регулированием долгов скорее нет проблем. "Возвращают. Я иногда им немного эти долги снижаю. Но много не могу, потому как тогда сам ничего не буду с этого иметь". Алкоголь и основные продукты питания (хлеб, молоко) — такие товары чаще всего покупают жители поселений.

На уровне семьи можно заметить много интересных явлений. Явственно проявляется отсутствие детства как этапа особой заботы, распространено раннее сексуальное самоосознание исследуемых. Заметим, однако, что совсем немногочисленные респонденты живут в свободных связях и крайне редки случаи, когда мужчины бросают женщин. Это составляет отличие от общностей латинос. Там нищета не мешает женщинам рожать очередного ребенка. Молодые люди прозябают на грани маразма, отчуждения, не оставляющих места для семейных связей, устоявшихся отношений, детей. Когда мы говорим "маразм", имеется в виду отсутствие перспективного мышления, инициативы, которая могла бы надолго изменить материальный статус.

Если рассмотреть индивидуальный уровень, люди, которых исследовал Карвацкий, обнаруживают черты, описанные Оскаром Льюисом. Чувство

заброшенности, вытеснения в маргиналы, низкие профессиональные и жизненные амбиции, безысходность и зависимость — такие черты вырисовываются из ответов многих респондентов. Лишившись опеки со стороны госсельхоза, они чувствуют себя брошенными на произвол судьбы, неполноценными. Не будучи изолированными, они, тем не менее, ощущают наличие барьера, отделяющего их от города, тоже, в конечном счете, бедного. Пятидесятилетняя женщина говорит: “Что я умею? Куда я пойду на работу? Все развалили, и теперь никто нами даже не интересуется. Разве что опека”. Чувство ущемленности унаследовало и младшее поколение.

Унаследовала молодежь и мир, полный патологий. Чрезмерное употребление алкоголя, жульничество, оставшееся в наследие со времен ПНР, воровство, браконьерство заполняют их жизнь. Непостоянные заработки и упомянутый выше маразм дополняют друг друга. Социалистическая система приучила их родителей к тому, что “все общее”. Вольно или невольно, они усвоили этот принцип и часто нарушают закон. Следует здесь упомянуть и о насилии в семьях, направленном против женщин и детей. Это считается в такой общности нормой. Сотрудница консультативного пункта по делам жертв насилия в семье рассказывала, что к ним не поступает никаких заявлений из исследуемого поселения, никаких жалоб, хотя неофициально известно, что такие случаи нередки.

Люди из бывших госсельхозов увязли в мире, живущем исключительно сегодняшним днем. Возможный подарок судьбы в виде хоть каких-нибудь денег — это лишь шанс наесться, напиться, купить продуктов, что хоть немного раскрасит их жизнь.

Исследования подтверждают распространенность культурного измерения бедности в постгоссельхозовских общностях Польши. Несмотря на некоторые отличия от “оригинального” образца, мы имеем дело с межпоколенческой трансмиссией черт культуры бедности. Образовалась культура людей, экзистенциально безвольных, которые бессознательно наследуют претензии и враждебность к остальному обществу. Однажды деградировав, они и дальше сохраняют свое маргинальное положение. Однако не стоит забывать, что такой мир и есть их образ жизни. Все попытки вмешаться в него, предложить другие образцы могут быть восприняты респондентами как проявление агрессии в их адрес.

Госсельхозовское прошлое и свободнорыночная современность привели к выработке универсального среди бедных людей стиля жизни (нужно подчеркнуть, что универсальность культуры бедности, по Льюису, не означает сходства с идеальным типом, скорее речь идет о локально модифицированном варианте определенной культуры, живущей своей жизнью [см.: 56; 57, с.85–95]).

Выводы

Научный дискурс относительно категорий “андеркласс” и “культура бедности” весьма широк и разворачивается в двух главных проблемных плоскостях: а) рассуждения на тему реальности андеркласса в разных обществах (наличие и градация факторов, конституирующих эти категории; б) споры по поводу первичности факторов (структурных/культурных), формирующих общественный андеркласс. В нашем анализе мы старались отойти от традиционной модели диспута и показать, что не следует ни пере-

оценивать, ни недооценивать как культурные, так и структурные элементы. Как мы считаем, и структурные изменения, и культурные аспекты, сосуществуют в длительном и сложном процессе формирования андеркласса. Применительно к постгоссельхозовским общностям в Польше мы использовали уровни анализа андеркласса Мери Дейли, которые, по нашему мнению, отражают процесс взаимопроникновения структурных и культурных факторов. Этот процесс имеет польскую специфику (например, элиминация расового фактора и его коннотаций, выражающихся в характере групповых связей), которая, в итоге, по-разному проявляется в зависимости от локальных контекстов (контраст село–город [см., напр.: 75]).

В нашем дискурсе мы предложили один из возможных подходов (релятивный) к категории андеркласса, согласно которому культура бедности является одним из измерений анализа андеркласса — культурной надстройкой изолированной категории социальной структуры, которую ни в коем случае нельзя отождествлять с элементом классовой структуры общества — андерклассом.

Заметим в заключение, что процесс формирования локального синдрома андеркласса в постгоссельхозовских общностях носит многоаспектный характер и в его рамках следует выделить ряд факторов, касающихся данной категории. Прежде всего подчеркнем осознание общего прошлого, связанное с характерным образом жизни в условиях обобществленного сельского хозяйства, трудные обстоятельства нынешнего существования, а также чувство отчуждения и безысходности в своей будущей судьбе. В соответствии с принятым нами пониманием категории андеркласса считаем, что в структуре польского общества мы имеем дело со сформированным андерклассом с присущей ему культурой бедности, отличающей его от других.

Литература

1. *Alison B.* Analysis: a Look at the Government's Social Exclusion Policies // *Guardian*. — 2002. — January 16.
2. *Andersen J., Larsen J.E.* The Underclass Debate — a Spreading Disease? // *Mortensen N.* Social Integration and Marginalisation. — Frederiksberg, 1995.
3. *Auletta K.* The Underclass. — New York, 1982.
4. *Avenel C.* La question de "l'underclass" des deux cotes de l'Atlantique // *Sociologie du travail*. — 1997. — 2. — P. 211–234.
5. *Bagguley P., Mann K.* Idle Thieving Bastards? Scholarly Representations of the "Underclass" // *Work, Employed and Society*. — 1992. — 6. — P. 113–126.
6. *Bauman Z.* Zbędni, niechciani, odrzuceni — o biednych w zamożnym świecie // *Kultura i Społeczeństwo*. — 1998. — 2. — S. 3–18.
7. *Barber B.R.* Dżihad kontra McŚwiat. — Warszawa, 1997.
8. *Barber B.R.* Wielkie dzieci McŚwiata. Z Beniaminem R. Barberem rozmawia Zuzanna Dąbrowska // *Lewa noga*. — 1999. — 11. — S. 14–25.
9. *Bogucka T.* Polska bieda // *Gazeta Wyborcza*. — 2000. — 48. — 26–27 luty. — S. 9.
10. *Bradford A.* Oukland's Not for Burning. — New York, 1968.
11. *Buckingham A.* Is There Underclass in Britain? // *British Journal of Sociology*. — 1999. — 50. — P. 49–75.
12. *Clark T.N., Lipset S.M.* Are Social Classes Dying? // *International Sociology*. — 1991. — 6. — P. 397–410.

13. *Dahrendorf R.* The Erosion of Citizenship and the Consequences for All of Us // *New Statesman*. – 1987. – June 12.
14. *Dahrendorf R.* Nowoczesny konflikt społeczny. Esej o polityce wolności. – Warszawa, 1993.
15. *Dahrendorf R.* Przemiany: polityka, gospodarka, wolność // *Transit*. – 1996. – 1. – S. 67–81.
16. *Dahrendorf R.* Economic Opportunity, Civil Society and Political Liberty // H. de Alcantara (ed.). *Social Futures, Global Visions*. – Oxford, 1996.
17. *Daly M.* Gender, Class, Underclass (II Conference of ESA). – Budapest, 1995.
18. *Davis K., Moore W.* Some Principles of Stratification // *American Sociological Review*. – 1945. – 10. – P. 242–249.
19. *Davis K., Moore W.* O niektórych zasadach uwarstwienia (Lektury Studenckie). – 1989. – 4–5–6. – S. 94–107.
20. *Dean M.* A Poor Case for Comparison // *Guardian*. – 1998. – June 19.
21. *Dennis N., Erdos G.* Families Without Fatherhood. – London, 1992.
22. *Domańska L.* Deprywacja potrzeb byłych pracowników PGR w zakresie pracy, dochodów i edukacji dzieci // E.Niedzielski, R.Kisiel (red.). *Środowisko popegeerowskie – diagnoza stanu*. – Olsztyn, 2001. – S. 53–75.
23. *Domańska L.* Deprywacja potrzeb byłych pracowników państwowych przedsiębiorstw gospodarki rolnej. – Toruń, 2002.
24. *Domański H.* Polska underclass? // *Wiadomości Kulturalne*. – 1998. – 7. – S. 9.
25. *Domański H.* Hierarchie i bariery społeczne w latach dziewięćdziesiątych. – Warszawa, 2000.
26. *Domański H.* Ubóstwo w społeczeństwach postkomunistycznych. – Warszawa, 2002.
27. *Domański H.* Ubóstwo w strukturze społecznej w Bułgarii, Polsce, Rosji, Rumunii, Słowacji i na Węgrzech // *Kultura i Społeczeństwo*. – 2002. – 4. – S. 23–39.
28. *Domański H.* Ubóstwo w strukturze społecznej // I.Szelenyi (red.). *Bieda a nierówności płci i podziały etniczne w społeczeństwach postkomunistycznych*. – Warszawa, 2003. – S. 16–43.
29. *Endgbersen G. et al.* Cultures of Unemployment. A Comparative Look at Long-Term Unemployment and Urban Poverty. – S.l., 1993.
30. *Faliszek K., Łęcki K., Wódz K.* Górnicy: zbiorowości górnicze u progu zmian. – Katowice, 2001.
31. *Frieske K.* (red.). *Marginalność i procesy marginalizacji*. – Warszawa, 1999.
32. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Cambridge, 1990.
33. *Gadomski W.* Bieda z głowy // *Gazeta Wyborcza*. – 2000. – 221. – October 9. – S. 8.
34. *Galbraith J.K.* The Affluent Society. – Cambridge, 1958.
35. *Galbraith J.K.* Istota masowego ubóstwa. – Warszawa, 1987.
36. *Gallie D.* Employed, Unemployed and Social Stratification // *Employed in Britain*. – Oxford, 1998. – S. 465–492.
37. *Gallie D.* Are the Unemployed an Underclass? // *Sociology*. – 1994. – 23. – P. 737–757.
38. *Gallie D.* Some Evidence from the Social Change in Economic Life Initiative // *Sociology*. – 1992. – 28. – P. 626–646.
39. *Gans H.* The Positive Functions of Poverty // *American Journal of Sociology*. – 1972. – 78. – 2. – P. 275–289.
40. *Gans H.* (ed.). *Sociology in America*. – Newbury Park, 1990.
41. *Gans H.* Deconstructing the Underclass: the Terms' Dangers as a Planning Concept // *American Psychological Association*. – 1990. – Summer. – P. 271–277.
42. *Giddens A.* The Class Structure of Advanced Societies. – London, 1973.
43. *Giddens A.* Beyond Left and Right. – Cambridge, 1994.
44. *Giddens A.* The Third Way. – Cambridge, 1998.
45. *Giddens A.* The Third Way and its Critics. – Cambridge, 2000.

46. *Giddens A.* Poza lewicą i prawicą. — Poznań, 2001.
47. *Giddens A.* Where Now for New Labour? — Cambridge, 2002.
48. *Grotowska-Leder J.* Długość trwania w biedzie a procesy marginalizacji. Badania łódzkie // *Polityka Społeczna.* — 1999. — 11–12. — S. 10–15.
49. *Grotowska-Leder J.* Fenomen wielkomiejskiej biedy. Od epizodu do underclass. — Łódź, 2002.
50. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. — Cambridge, 1989.
51. *Halamska M.* Procesy marginalizacji wsi popegeerowskiej // *Wież i Rolnictwo.* — 1999. — 2. — S. 37–49.
52. *Harrington M.* Other America. — New York, 1962.
53. *Hugo-Bader J.* Lepiej pójść na piwo // *Gazeta Wyborcza.* — 1992. — 112. — 13 maja. — S. 12.
54. *Jastrzębska-Szklarska J., Szklarski B.* Od klientelizmu do paternalizmu — biednej społeczności popegeerowskiej droga przez transformację // *K.Korzeniowska, E.Tarkowska (red.).* Lata tłuste. Lata chude.... Spojrzenia na biedę w społecznościach lokalnych. — Warszawa, 2002. — S.105–140.
55. *Kahn T.* The Economics of Equality. — New York, 1964.
56. *Karwacki A.* Uniwersalność kultury biedy. Teoria Oscara Lewisa w życiu członków latynoskich slumsów i społeczności popegeerowskich w Polsce (maszynopis). — Toruń, 2001.
57. *Karwacki A.* The Culture of Poverty in the Post-State Farm Community // *Eastern European Countryside.* — 2002. — 8. — S. 79–92.
58. *Karwacki A.* Dziedziczenie “kultury biedy” w społecznościach popegeerowskich — geneza problemu i wyzwania dla polityki społecznej // *Kultura i Edukacja.* — 2002. — 3–4. — S. 7–30.
59. *Karwacki A.* Świat upadłych PGR-ów // *Gazeta Olsztyńska.* — 2002. — 11 lipca. — S.1, 5.
60. *Karwacki A.* Marginalizacja środowisk popegeerowskich w Polsce. Społeczno-kulturowe konsekwencje trwałego uwikłania w biedę jako wyzwanie dla polityki społecznej // *R.Suchocka (red.).* Współczesne społeczeństwo polskie. — Poznań, 2002. — S. 159–166.
61. *Karwacki A.* Specyfika pracy socjalnej w społecznościach trwale ubogich // *K.Piątek, K.Frysztański (red.).* Wielowymiarowość pracy socjalnej. — Toruń, 2002. — S. 183–192.
62. *Katz M.* The Urban Underclass as a Metaphor in Social Transformation. // *M.Katz (ed.).* The Underclass Debate: Views From History. — Princeton, 1993.
63. *Korzeniowska K., Tarkowska E. (red.).* Lata tłuste. Lata chude... Spojrzenia na biedę w społecznościach lokalnych. — Warszawa, 2002
64. *Korzeniowska K.* Biedni (i) emeryci: o ekonomicznej zależności biednych rodzin od pomocy z zewnątrz i o “underclass po polsku” // *Lata tłuste. Lata chude... Spojrzenia na biedę w społecznościach lokalnych.* — Warszawa, 2002. — S. 141–160.
65. *Kowalik T.* Współczesne systemy ekonomiczne. Powstawanie, ewolucja, kryzys. — Warszawa, 2000.
66. *Kraczla R.* Badania nad ubóstwem. Przegląd głównych nurtów i teorii // *K.Wódz (red.).* W kręgu ubóstwa. Próba analizy psychospołecznych aspektów zjawiska. — Katowice, 1993. — S. 9–28.
67. *Lee P.* Housing and Spatial Deprivation. Relocating the Underclass and the New Urban Poor // *Urban Studies.* — 1994. — 31. — P. 191–209.
68. *Lepianka D.* Czym jest wykluczenie społeczne? Wprowadzenie do europejskich debat na temat ekskluzji // *Kultura i Społeczeństwo.* — 2002. — 4. — S. 3–21.
69. *Lewis O.* Rodzina Martinezów. Życie meksykańskiego chłopca. — Warszawa, 1970.
70. *Lewis O.* The Culture of Poverty // *O.Lewis. Anthropological Essays.* — New York, 1970. — P. 21–34.
71. *Lewis O.* Sanchez i jego dzieci. Autobiografia rodziny meksykańskiej. — Warszawa, 1973.
72. *Lewis O.* Nagie życie. T. 1, 2. — Warszawa, 1976.
73. *Liebow E.* Tally's Corner. A Study of Negro Streetcorner Men. — London, 1967.

74. *Lutyńska K.* Badania socjologiczne w środowiskach marginalnych // *Polityka Społeczna*. — 1991. — 11–12. — S. 1–3.
75. *Łęcki K., Wódz K.* Droga do ubóstwa? Gwara śląska jako bariera edukacyjna // *E.Tarkowska (red.). Przeciw biedzie. Programy, pomysły, inicjatywy*. — Warszawa, 2002. — S. 42–53.
76. *Łotocki L., Zawadzki P.* Przeklęta kraina? Sytuacja byłych pracowników PGR w woj. podkarpackim // *Polityka Społeczna*. — 2002. — 9. — S. 18–22.
77. *Macnicol J.* In Pursuit of the Underclass // *Journal of Social Policy*. — 1987. — 16, 3. — P. 293–318.
78. *Martin H.-P., Schumann H.* Pułapka globalizacji. Atak na demokrację i dobrobyt. — Wrocław, 1999.
79. *Miller D.B.* A Partial Test of Oscar Lewis's Culture of Poverty in Rural America // *Current Anthropology*. — 1976. — 17, 4. — P. 720–723.
80. *Miś L.* Czy istnieje zagrożenie trwałą marginalizacją? Kilka uwag na temat pojęcia "podklasy" (underclass) // *Praca Socjalna*. — 1998. — 4. — S. 27–44.
81. *Morris L., Irvin S.* Employment Histories and the Concept of the Underclass // *Sociology*. — 1992. — 26, 3. — P. 401–420.
82. *Murray Ch.* Loosing Graund: American Social Policy 1950–1980. — New York, 1984.
83. *Murray Ch.* The Emerging British Underclass. — London, 1990.
84. *Murray Ch.* Bez korzeni. Polityka społeczna USA 1950–1980. — Poznań, 2001.
85. *Myrdal G.* Challenge to Affluence. — New York, 1963.
86. *Myrdal G.* The War on Poverty // *The New Republic*. — 1964. — P. 150.
87. National Audit Office. Educaiton Action Zones: Meeting the Challenge — the Lessons From Auditing the First 25 Zones. — London, 2001.
88. *Niedzielski E.* Marginalizacja środowisk popegeerowskich — przejściowe zjawisko czy trwałe procesy? // *E.Niedzielski, R.Kisiel (red.). Środowisko popegeerowskie — diagnoza stanu*. — Olsztyn, 2001. — S. 7–16.
89. *Niskanen W.A.* Welfare and the Culture of Poverty // *Cato Journal*. — 1996. — 16. — 1. — S. 5–16.
90. *Nowakowska E.* Gorsze dzieci // *Polityka*. — 2000. — Wrzesień (2234).
91. *Nowicka E.* Świat człowieka — świat kultury. — Warszawa, 1991.
92. *Osińska K., Śliwińska A.* Społeczności permanentnego ubóstwa: tożsamość kulturowa oraz percepcja kultury polskiej i stratyfikacji społecznej // *J.Mucha (red.). Kultura dominująca jako kultura obca. Mniejszości kulturowe a grupa dominująca w Polsce*. — Warszawa, 1999. — S. 213–227.
93. *Owczarek M., Mołęcki P.* Kultura biedy // *Gazeta Wyborcza*. — 2000. — 158. — 8–9 lipca. — S. 9.
94. *Pahl R.* Divisions of Labour. — Oxford, 1984.
95. *Pakulski J., Walters M.* The Death of Class. — London, 1996.
96. *Palska H.* "Beznadziejny proletariusz" w pamiętnikach. Kilka uwag o niektórych kulturowych uwarunkowaniach nowej biedy // *Kultura i Społeczeństwo*. — 1998. — 2. — S. 105–119.
97. *Parkin F.* Marxism and Class Theory. A Bourgeois Critique. — London, 1979.
98. *Payne J., Payne G.C.* Recession, Restructuring and the Fate of the Unemployed: Evidence in the Underclass Debate // *Sociology*. — 1993. — 28, 1. — P. 1–19.
99. *Perepeczko B.* Ubóstwo chłopskie a popegeerowskie — źródła i sposoby radzenia z nim // *E.Niedzielski, R.Kisiel (red.). Środowisko popegeerowskie — diagnoza stanu*. — Olsztyn, 2001. — S. 17–29.
100. *Peterson P.* The Urban Underclass and the Poverty Paradox // *The Urban Underclass*. — Washington, 1991.
101. *Pilcher J.* Transitions to and from the Labour Market: Younger and Older People and Employment // *Work, Employment and Society. A Journal of the British Sociological Association*. — 1996. — 10, 1. — P. 161–173.

102. *Podgórska J., Rutkowski D.* Świat jest wielkim pegeerem // *Polityka*. — 1999. — 34 (2207).
103. *Podhoretz N.* Breaking Ranks: A Political Memoir. — New York, 1979.
104. *Poławski P.* Kulturowe znaczenie underclass. Spór o sens terminu a polska transformacja // *K.W.Frieske (red.)*. Ofiary sukcesu. Zjawiska marginalizacji społecznej w Polsce. — Warszawa, 1997. — S. 99–117.
105. *Poławski P.* Marginalność społeczna i wychowanie // *Polityka Społeczna*. — 1999. — 11–12. — S. 21–25.
106. *Psyk-Piotrowska E.* Postawy pracowników byłych PGR i dzierżawców wobec przemian w rolnictwie // *Wieś i Rolnictwo*. — 1996. — 2. — S. 39–57.
107. *Psyk-Piotrowska E.* Bezrobocie i pauperyzacja środowisk dawnych PGR w Polsce // *Wieś i Rolnictwo*. — 1998. — 3. — S. 132–143.
108. *Psyk-Piotrowska E.* Aktywizacja społeczno-gospodarcza środowisk popegeerowskich. Skuteczność prób i ich konsekwencje. Raport z badań // *Agroprzemiany*. — 2000. — Grudzień.
109. *Psyk-Piotrowska E.* Pauperyzacja, ubóstwo czy marginalizacja środowisk popegeerowskich? // *W. Warzywoda-Kruszyńska, E. Kośmicki, H. Januszek (red.)*. Bieda na wsi na tle globalnych przemian społeczno-gospodarczych w Polsce. Socjologiczne, ekonomiczne i polityczne aspekty problemu. — Poznań, 2001. — S. 383–400.
110. *Rainwater L.* The Problem of Lower-Class Culture and Poverty-War Strategy // *D.P. Moynihan (red.)*. Understanding Poverty. — New York, 1968.
111. *Richards S.* (red.). Cross-cutting Issues in Public Policy. — London, 1999.
112. *Roach J.L., Gurslin O.R.* An Evaluation of the Concept “Culture of Poverty” // *Social Forces*. — 1967. — 45, 3. — P. 383–392.
113. *Runciman W.G.* How Many Classes Are There in Contemporary British Society // *Sociology*. — 1990. — 24. — P. 377–396.
114. *Samuelson R.J.* The Culture of Poverty // *Newsweek*. — 1997. — April 30. — P. 21A.
115. *Samulak T.* Kultura ubóstwa — kultura przetrwania // *Wieś i Rolnictwo*. — 1996. — 1. — S. 142–150.
116. *Sewell W.H.* Social Class and Childhood Personality // *Sociometry*. — 1961. — 24. — P. 351.
117. *Spence R.* Neighborhood Renewal // *Independent*. — 2002. — January 23.
118. *Tarkowska E.* Dawne i nowe formy ubóstwa w nowej perspektywie (oraz kilka uwag o innych badaniach) (maszynopis), 1996.
119. *Tarkowska E.* Ubóstwo w byłych PGR-ach: w poszukiwaniu dawnych źródeł nowej biedy // *Kultura i Społeczeństwo*. — 1998. — 2. — S. 91–105.
120. *Tarkowska E.* Świat społeczny biednych a koncepcja kultury ubóstwa // *Polityka Społeczna*. — 1999. — 11/12. — S. 3–6.
121. *Tarkowska E.* (red.). Zrozumieć biednego. O dawnej i obecnej biedzie w Polsce. — Warszawa, 2000.
122. *Tarkowska E.* Bieda popegeerowska // *E. Tarkowska (red.)*. Zrozumieć biednego. O dawnej i obecnej biedzie w Polsce. — Warszawa, 2000. — S. 90–117.
123. *Tarkowska E.* Polscy bezrobotni // *Więź*. — 2002. — 11. — S. 11–19.
124. *Tarkowska E., Korzeniowska K.* Młodzież z byłych PGR-ow. Raport z badań. — Warszawa, 2002.
125. *The Saturday Evening Post*. — 1976. — August 26 (The Cry of Ghetto).
126. *The Saturday Evening Post*. — 1965. — 159 (The Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power).
127. *The Time*. — 1965. — December 31. — 67B.
128. *Touraine A.* The Post-Industrial Society. — New York, 1971.
129. *Tullock G.* The Vote Motive. — London, 1976.
130. *Valentine Ch.A.* Culture and Poverty. — Chicago, 1970.
131. *Warzywoda-Kruszyńska W., Grotowska-Leder J.* Wielkomiejska bieda w okresie transformacji. — Łódź, 1996.

132. *Warzywoda-Kruszyńska W.* Wielkomięscy biedni – formująca się underclass? Przypadek klientów pomocy społecznej // *Kultura i Społeczeństwo*. – 1998. – 2. – S. 35–53.
133. *Warzywoda-Kruszyńska W.* (red.). *Życ i pracować w enklawach biedy. Klimaty łódzkie.* – Łódź, 2001.
134. *Warzywoda-Kruszyńska W.* (red.). *(Życ) Na marginesie wielkiego miasta.* – Łódź, 2001.
135. *Westergaard J.* About and Beyond the “Underclass”. Some Notes on Influences of Social Climate on British Sociology Today // *Sociology*. – 1992. – 26, 4. – P. 575–587.
136. *Whelan C.T.* Marginalization, Deprivation and Fatalism in the Republic of Poland: Class and Underclass Perspective // *European Sociological Review*. – 1996. – 12, 1. – P. 33–51.
137. *Wilkin J.* Przekształcanie sektora państwowych gospodarstw rolnych w Polsce w opinii władz lokalnych i mieszkańców “osiedli popegeerowskich” // *K.Korab (red.). Ludzie i ziemia po upadku pegeerów. Analiza socjologiczna i ekonomiczna. Materiały pokonferencyjne.* – Warszawa, 1997. – S. 27–44.
138. *Wilson W.J.* Preface // *W.J.Wilson. The Declining Significance of Race.* – Chicago, 1978. – S. IX–XII.
139. *Wilson W.J.* *The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass, the Public Policy.* – Chicago, 1987.
140. *Wódz K., Lęcki K.* Nowe i stare ubóstwo na Górnym Śląsku (ubóstwo w rejonie pogranicza kulturowego) // *Kultura i Społeczeństwo*. – 1998. – 2. – S. 73–90.
141. *Wright E.O.* *Class Counts. Comparative Studies in Class Analysis.* – London, 1997.
142. *Yinger M.* Contraculture and Subculture // *American Sociological Review*. – 1960. – 25. – P. 625–635.
143. *Zablocki G., Sobczak M., Piszczek E., Kwiecińska M.* *Ubóstwo na terenach wiejskich północnej Polski.* – Toruń, 1999.
144. *Zalewska D.* *Ubóstwo. Teorie, badania.* – Wrocław, 1997.

Перевод с польского Наталлии Сидяченко